

УВЛЕКАТЕЛЬНОЕ ЧТИВО

МИХАИЛ СЕРЁГИН

ПРАВЕДНИК

БЕСЫ В ПОГОНАХ

ПРАВЕДНЫЙ ДЕТЕКТИВ -
ВЕРОЙ И СИЛОЙ

Михаил Георгиевич Серегин
Бесы в погонах
Серия «Праведник», книга 5

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=167332
М.Серегин Бесы в погонах: Эксмо;*

Аннотация

Тихий городок Усть-Кудеяр снова сотрясают нешуточные страсти. Мафия расправляется с неугодными силовиками с помощью их коррумпированных коллег. Священник Василий вынужден вступить в нелегкую схватку с силами зла, ведь у него за плечами опыт службы в войсках спецназначения.

Содержание

Часть первая	4
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Михаил Серегин

Бесы в погонах

Часть первая

Когда раздался этот жуткий крик попавшей в капкан крысы, отец Василий ел борщ. Ольга испуганно вздрогнула, но священник успокаивающе поднял руку:

– Все нормально, Олюшка, это, наверное, Санька своего «клиента» дождался...

И тогда крик раздался снова. Но на этот раз вопль был охотничьим и вполне победным.

Священник вздохнул, отставил тарелку в сторону и поднялся.

– А может быть, не надо, батюшка? – встревожилась попадья. – Пусть сами управляются...

– Не бойся, Олюшка, я просто схожу гляну, – улыбнулся священник, сладко, так что захрустели суставы, потянулся и вышел во двор.

Неярко светило уходящее вечернее солнце. Ласково трепал свежую зеленую листву ветерок, и все в природе было слаженно, гармонично и одухотворенно.

– Су-ука! – то ли проорали, то ли прорыдали где-то в калмышах внизу уходящего к речке Студенке оврага. – Мусор

гнойны-ы-ый...

«Точно, – хмыкнул священник. – Поимел-таки Санька своего наркодилера! Ай, молодец, шкет!» Он энергично потер ладонью о ладонь, спустился с крыльца и торопливо зашагал к оврагу: любопытство снедало его все сильнее.

Любимая кобыла отца Василия по кличке Стрелка подбежала к хозяину и тревожно всхрапнула.

– Что, Стрелка, – улыбнулся священник и ласково потрепал свою любимую животину по шее. – Не нравится тебе, когда человек на человека охотится?

Стрелка всхрапнула и, дернув шкурой на загривке, снова отбежала в сторону. Ей такая охота определенно не нравилась.

Треск в камышах стоял такой, словно там стая борзых валила медведя. Отец Василий подобрал полы рясы и бодро сбежал по склону оврага вниз. Прошел немного вперед и удовлетворенно крикнул: Санька уже сидел верхом на лежащем лицом вниз молодом черноволосом и курчавом человеке и заворачивал ему руки за спину.

– Гнида! – рыдал задержанный. – Мусор поганый! Ну, погоди, еще ответишь за все!

– Эт-точно! – засмеялся Санька и защелкнул браслеты наручников. – Поднимайся! А то развалился, понимаешь, на растопырку, словно давать собрался!

Он поднялся сам и, схватив за шиворот, поставил на ноги своего пленника.

– Этот? – поинтересовался священник.

– Ага, – легко ответил Санька и ткнул задержанного преступника в спину. – Поше-ол!

Молодой человек негодуя, почти как Стрелка, дернулся, словно стряхивая с себя Санькину руку, и, широко ступая, двинулся вперед, к круто уходящему вверх началу оврага.

– Слышь, батюшка, от тебя позвонить можно? – весело поинтересовался Санька. – А то у меня рация не работает – то ли отсырела, то ли аккумулятор сдох... не пойму.

– Конечно, позвони, – улыбнулся молодому рубоповцу отец Василий; ему очень понравился этот дерзкий, неунывающий парнишка сразу, как только появился.

* * *

Три дня назад, поздно вечером, почти ночью, в дверь недавно отстроенного дома усть-кудоярского священника постучали. Уже покормившая маленького Мишаньку Ольга открыла сама, но через пару секунд позвала мужа.

– Батюшка, это по вашей части...

Отец Василий вздохнул: отрываться от телевизора не хотелось, но, делать нечего, встал и побрел в прихожую. Там стоял быстроглазый, выгоревший добела парнишка.

– Здравсьте, батюшка! – широко улыбнулся он.

– И ты будь здоров, – пожелал священник.

– Я за дозволением пришел, – еще шире улыбнулся парень.

– Спрашивай... – пожал плечами отец Василий, провел парня в гостиную и усадил в кресло.

– Я из РУБОПа, и мне нужно место для засады, – почесал в затылке парень. – А лучше, чем у вас, ничего поблизости и нет.

Начало было многообещающим. Священник хмыкнул, покачал головой и приготовился выслушать все до конца.

Санька Мальцев оказался молодым, только что вышедшим из училища и, естественно, подающим ослепительные надежды милицейским лейтенантом. В этих краях Санька объявился по делу, поскольку, по его информации, на днях где-то здесь должна была состояться встреча двух наркодельцов. Конечно, формально этим делом должен был заниматься отдел по борьбе с незаконным оборотом наркотиков, но у Саньки были свои разработки, и через одного из дельцов он, судя по всему, планировал выйти на птицу покрупнее. По крайней мере, именно такие выводы сделал для себя священник. И теперь Саньке нужно было место для засады.

– Вы что, прямо в моем доме собираетесь своей борьбой с преступностью заниматься? – со сдержанным неудовольствием поинтересовался отец Василий.

– Не-ет! – замотал головой Санька. – Из дома неудобно, я уже все осмотрел, обзор слабый, да и дом уж очень приметный.

– А тогда при чем здесь я? – удивился священник.

– Это же ваша цистерна у оврага стоит? – поинтересовался Санька.

– Ну-у... да, – протянул отец Василий.

С тех пор как в его новом доме появилось централизованное водоснабжение, надобность в автоцистерне для воды отпала, и ее, чтобы не захламлять двор, решили вывезти. Но работяги были, естественно, нетрезвы, толком тяжеленную цистерну на тележке не закрепили, и она, выломав борт, словно спичечный коробок, ухнула вниз и покатилась к оврагу. Как еще никого не придавило!

Овальная в сечении автоцистерна прокатилась недалеко и, встав боком, застряла в первой же промоине. Работяги принялись уверять, что сейчас же все сделают: погрузят и увезут, но отец Василий, чтобы, не приведи господь, кого не придавило, быстро расплатился и погнал всех со двора. Так она с тех пор там и лежала.

– Я бы хотел устроить засаду в ней, – пояснил свою мысль Санька. – Место удобное, обзор из люка великолепный...

– Так ночью же холодно... – забеспокоилась Ольга. – Как вы там собираетесь сидеть? Одно ведь железо кругом!

– Я привычный! – легкомысленно отмахнулся Санька.

Отец Василий покачал головой. Мало того, что Санька собирался сидеть в засаде один, так еще и в холодной цистерне... Он не верил, что у этого шкета хватит духу отдежурить хотя бы ночь в таких условиях... Наверное, поэтому и возвра-

жать не стал. Санька благодарно кивнул, попил с ними чаю, попрощался и растворился во тьме.

Утром отец Василий проверять, все ли там у молодого милиционера в порядке, не стал – не до того было: служба на носу. Впрочем, он отметил, что Стрелка стоит возле цистерны и, поводя широкими ноздрями, явно караулит спрятавшегося в ней чужого человека, наверное, дабы чего не стибрил. Водились за старой, капризной кобылой эти полицейские наклонности...

Вечером отец Василий пришел уставший, и ему снова было недосуг поинтересоваться состоянием молодого человека. Но, когда он сел ужинать, Ольга вздохнула:

– Оладушков ему напекла да отнесла... Так он просил больше не приходить. Чтобы не выдать... месторасположения.

– А олады взял? – поинтересовался священник.

– Взял.

Священник удовлетворенно рассмеялся. Еще бы он не взял: против Ольгиных оладий и сытый человек не устоит. А уж голодный – тем более! Даже если это крутой мент в самой настоящей засаде.

А потом прошли еще одни сутки. Ночь была на редкость холодной, и Ольгин материнский инстинкт взял свое, превозмог все запреты и заставил ее вытащить старое ватное одеяло и отнести его в опрокинутую на бок цистерну.

– Ну, как он там? – поинтересовался отец Василий.

– Зубами стучит, – покачала головой попадья. – Сказал: «С-спас-с-сибо, не с-стоит», – передразнила она Саньку.

– Но одеяло-то взял?

– Взял.

А спустя еще одни сутки, уже к вечеру, Санька своего дождался. Доказательством чему и был этот жуткий двойной вопль: ярости у пойманного преступника и торжества у поймавшего его милиционера.

* * *

Санька вывел своего бандюгу на открытое место и снова уложил на землю лицом вниз.

– Не поддержишь его, батюшка? – уставился он на священника невинным взглядом голубых как небо глаз. – А я пока позвоню...

– Ну уж нет, Александр! – рассмеялся отец Василий. – Это не моя работа – преступников держать.

Саньке, видно, и самому стало смешно от своей наглой непосредственности, и он тоже рассмеялся.

– Тогда позвони...те моему начальству, пожалуйста, не считите за труд.

– Не сочту, – с достоинством поклонился священник и неторопливо отправился в дом. «Ишь, чего удумал! – хмыкал он. – Не подержу ли я его...»

Он позвонил по названному Санькой телефону, и через

десять минут во дворе появились две машины: милицейский «уазик» с узкой зарешеченной камерой позади и новенькая черная «Волга». И вот из «Волги» и вылетел одетый в камуфляж невысокий, плотный и очень рассерженный милицейский начальник.

– Санька, твою мать! Ты что творишь?! – с ходу заорал он. – Я тебе чем сказал заниматься?! А ты что делаешь?!

– Блин, Андрей Макарыч! – жизнерадостно отозвался молодой лейтенант. – Ты только глянь, кого я взял!

Милицейский чин наклонился, взгляделся и охнул:

– Сережа?! Якубов?! Вот это номер! Так это он, что ли, курьером сработать подрядился?

– Ага! – хохотнул Санька. – Прикинь, Макарыч, че делается!

Камуфлированный милиционер медленно разогнулся и тоже захохотал:

– Вот это да!.. Сам Якубов-младший изволили за решеточку пожаловать! Охо-хо! Вот папанька обрадуется!

– Ты, мусор поганый, моего отца не трожь! – злобно прошипел с земли задержанный. – Тебе до него, как до неба!

– Не бойсь! – еще пуще рассмеялся милицейский чин. – Лиха беда начало! Сегодня тебя взяли, а завтра и его как миленького... Вот увидишь! Всей семьей будете в одном обезьяннике сидеть! Обещаю! Хочешь, я прямо сейчас ему позвоню, расскажу, как его сынуля на таком барахле прокололся?! Пусть порадуетеся!

Задержанный злобно ощерился, но на этот раз промолчал.

* * *

В понятые пригласили соседей: Ольга, понявшая, что дело нешуточное, что-либо подписывать наотрез отказалась, да и на мужа глянула так выразительно, что тот лишь тяжело вздохнул и развел руками.

— Я и так вам помог...

Но кое-что супруги слышали, увидели и узнали.

Задержанный Сергей Якубов двадцати двух лет приходился сыном известному городскому предпринимателю Роману Григорьевичу Якубову. Впрочем, как многие считали, предпринимательство для Романа Григорьевича было занятием побочным — слишком хорошо была известна предыдущая биография этого заядлого шанхайского проходимца, на четверть цыгана, на четверть хохла и наполовину потомственно-го волжского грузчика. Разбойное нападение в группе, срок, организация кражи стройматериалов со склада, снова срок, а потом он просто перестал попадаться: поумнел, заматерел и начал все делать чужими руками. Постепенно выбился в люди и одно время даже составлял конкуренцию самому Парфену, слава всевышнему, ныне покойному, прибрал господь отморозка...

По крайней мере, растущие, как грибы после дождя, магазины, принадлежащие им, склады, опять-таки принадлежа-

щие Якубовым, и якубовские же автобусные маршруты наводили на размышления. Поговаривали, что именно якубовские ребята промышляли по всей области кражей дорогих иномарок, да и наркота, как считали некоторые, шла через них... Хотя, положила руку на Уголовный кодекс, никто ничего доказать так и не смог: не пойман, как говорится, не вор.

И вот теперь его сын, похоже, ступил на тот же порочный круг и попался на героине, хотя, казалось, мог начать и с менее опасного занятия – семейное состояние позволяло...

Симпатичный смуглый Сережа следственным действиям не противился, держал себя в руках, но подписать что-либо отказался – видно, надеялся на скорый выход из ментовки. Так же, похоже, считали и сбившиеся в кучу возле машин рядовые милиционеры. Но руководитель местного РУБОПа был вне себя от радости и явно плевал с высокой колокольни даже на самые проверенные народные приметы типа: с сильным не борись, а с богатым не судись... Себе дороже станет.

– И не думай! – удовлетворенно смеялся Андрей Макарович. – Я тебя так упрячу, никакой папанька не найдет!

А минут через тридцать все закончилось. Задержанного с поличным «шанхайского принца», как простого урку, сунули в клетку позади «уазика», машины тронулись, и во дворе остались стоять лишь поп с попадьею да совершенно неожиданно для себя ставшие понятыми их соседи.

Назавтра, после всedневной утрени, отец Василий, как всегда в последнее время, вышел в залитый солнцем церковный двор и неспешно отправился в бухгалтерию: попить компота да спросить Тамару Николаевну, что там с финансами. Они как-то выбились из бюджета, и ситуацию следовало контролировать с особой тщательностью.

Священник прошел метров десять, когда его окликнули:
– Эй, поп!

Он обернулся. Возле фонтанчика утирали рты только что утолившие жажду два бугая.

– Тормози, поп! – решительно махнул один рукой. – Базар есть.

Священник усмехнулся и подошел ближе. Что ж, если есть базар, послушаем...

– Короче, поп, щас поедешь с нами...

– Что за спешка? – уже серьезно, без тени улыбки поинтересовался отец Василий. – Или кто-то в последнем причастии нуждается?

Бугаи переглянулись.

– Это тебе Роман скажет, что ему надо, – пожевав губами, произнес один. – Это нас не касается.

По спине отца Василия пробежал легкий прохладный сквознячок.

– Какой Роман? – сдвинул брови священник. – Уж не Якубов ли?

– Ага, – кивнул второй, – Якубов.

И вот тут отцу Василию по-настоящему поплохело. «Быстро он отреагировал! – с досадой подумал он. – И суток не прошло!»

Нет, он не боялся посмотреть в глаза отцу задержанного в его дворе милицией парня: все произошло по закону, со строгим соблюдением всех процессуальных норм; тем более что не он лично этого Сережу задерживал и даже понятым, спасибо супруге, быть отказался. Не боялся он и подобных контактов: было дело, еще до семинарии, служил омовцем и знал, как разговаривать с подобной публикой. Но он уже столько раз обещал Ольге не ввязываться в «такие» дела!

«Опять Олюшка расстроится!» – подумал отец Василий. Он уже знал, что поедет. Священник не любил оставлять вопросы нерешенными; уж лучше знать, какие претензии к тебе имеют, чем каждый час ожидать, что тебе их могут предъявить, и тогда стройный и понятный мир рухнет, словно карточный домик.

– Вы на машине? – поинтересовался он.

– Ага, – отозвался бугай.

– Назад привезете?

– Откуда я знаю? – хмыкнул тот.

– Тогда я поеду за вами на своей, – кивнул священник. – Где стоите?

– А вон, за воротами джип...

Отец Василий глянул на стоявший за узорной церковной оградой здоровенный внедорожник, задумчиво произнес: «М-да...» – и пошел заводить свой только что вышедший из капремонта старый «жигуль».

* * *

Он ехал за джипом осторожно, старательно соблюдая дистанцию, дабы не врезаться в дорожную машину.

«Ну вот что ему от меня нужно? – думал он. – Все ведь произошло по закону. Правда, не по бандитскому закону... А может быть, он хочет узнать какие-то детали задержания? Чтобы, к примеру, ментам за нарушение какое предъявить? Нет, напрасно я поехал! Мог бы и сам ко мне пожаловать, не велика птица... Нет, только не ко мне! Ну его к лешему!» – Священник испуганно зажал рот и, удерживая баранку левой рукой, правой широко, истово перекрестился: помянуть леших, домовых и прочее бесовское отродье было совершенно ни к чему.

Вот ведь сколько лет прошло, а все еще давали о себе знать мирские привычки: то нечистого помянешь, то его бабушку... Не-ет, лучше уж недругов к их собственной матушке посылать – все ж меньший грех...

Они проехали сквозь центр Усть-Кудеяра, миновали мост через овраг и погрузились в район бараков и старых, про-

гнивших купеческих домишек. Отсюда до Шанхая было рукой подать. А там бессменно правил Роман Григорьевич Якубов, в обиходе просто Роман, а реже и только для близких – Рома.

Через несколько кварталов джип резко повернул направо, вышел к самому оврагу и здесь, совсем неподалеку от коттеджа главного врача районной больницы и личного друга отца Василия Кости, приткнулся бампером к глухому бетонному забору.

«Ну и судьба у Романа Григорьевича! – сокрушенно покачал головой священник. – Всю жизнь за глухим забором!»

– Пошли, поп! – вышел из машины один из бугаев. – Да не закрывай ты свою развалюху! Кто ее отсюда угонит?

Священник пожал плечами, но дверцу все-таки закрыл. Он знал, что все эти братковские понты ничего не стоят, потому что если его «жигуля» все-таки уведут, он от того же бугая услышит нечто совсем противоположное, типа: а нечего было варезку разевать! Мало ли кто тебе что сказал?!

Отец Василий приподнял рясу, сунул ключи в карман брюк и прошел вслед за братвой в калитку, туда, где в середине огромной, засеянной газонной травой и аккуратно постриженной площадки возвышался невысокий, но весьма симпатичный особняк местечкового и, прямо скажем, не самого крутого авторитета.

Его провели в огромную гостиную с четырехметровыми потолками, но не предложили даже присесть, и священник сам выбрал для себя наиболее удобное место в стоявшем в самом углу комнаты кресле.

– Привезли?! – послышался за дверями резкий, с яркими командными интонациями голос, и дверь настежь распахнулась, буквально отлетела в сторону и стукнулась о привинченный к паркетному полу маленький резиновый амортизатор.

Священник степенно поднялся. Роман Григорьевич вошел: худой, темноглазый, с резкими чертами лица, со множеством морщин и лысый, как колено.

– Я не понял, батюшка! – булькая гневом, остановился Якубов в паре метров от него. – Что это за беспредел?!

– Поясните вашу мысль, пожалуйста, Роман Григорьевич, – благостно улыбнулся священник. Такой уровень «беседы» он мог выдерживать, даже не особо напрягаясь.

Роман словно ударился о невидимую стену. Ему это не понравилось.

– Слушай меня, сука в юбке! – стиснув зубы, выдавил авторитет. – Моя семья для тебя и для всех остальных козлов за «запреткой»! А за детей я тебе лично моргалы выдавлю! Вот этими пальцами!

Роман выставил вперед крепкие руки и, оттопырив большие пальцы, показал, как именно будет выдавливать священнику глаза.

– Не кипешишь, урка, – ласково улыбнулся отец Василий. – Ты конкретно предъяви: что ты, как член правительства, кругами ходишь?

Роман оторопел: такой наглости он никак не ожидал.

Отец Василий знал, что делает. Статус местного священника защищал его от необоснованного наезда ничуть не хуже, чем статус районного прокурора. Конечно, от мелкой, вконец отмороженной шпаны статус – не защита, но от людей, ввиду своего положения вынужденных «отвечать за базар», вполне. А Роман Григорьевич под такое определение подходил не хуже, чем депутат. Сказал – докажи. Не доказал – отвечай. Или освободи место; охотники занять всегда найдутся, только проколись...

– Ты зачем моего ребенка за решетку отправить норовишь? – уже тише, но никак не спокойнее зловеще поинтересовался Роман. – Что я тебе сделал, гнида бородастая?!

– Никого я за решетку отправить не норовлю, – возразил священник. – Твой, с позволения сказать, «ребенок» сам в это дерьмо влез!

– Дерьмо?.. – Авторитет настолько опешил, что его глаза сбежались в кучку, к самой переносице.

«Ну, правильно, для тебя героин не дерьмо, – подумал священник. – Для тебя героин – хлеб с маслом и икрой!»

– Кстати, у вас достаточно взрослый ребенок, чтобы сообщать, что делает, – уже с напором продолжил отец Василий и, понимая, что сейчас ему предъявят за ментовскую засаду в цистерне, добавил: – И вообще, мне до одного места, кто там у меня тусуется, лишь бы мое отдохновение от трудов не нарушали! Я и так за день устаю...

– Ну, ты конкретный отморозок! – охнул Роман. – Знал я, что ваша порода козлиная, но чтобы така-ая!.. Дите погибает, а ему лишь бы покой не нарушали?!

«Где ты раньше был, когда твое дите наркоту для перепродажи покупало?! – с горечью подумал отец Василий. – Не тогда оно погибает, когда перед законом ответ дает, а тогда, когда начинает через этот закон переступать!» Но сказал совершенно другое:

– Если ваше дите, слава всевышнему, осознало, что погибает, в чем, кстати, ваша вина, как родителя, основная, – размеренно и членораздельно произнес отец Василий, – пусть приходит ко мне в храм, там и поговорим...

– Слушай, поп, – осуждающе закачал головой Роман. – Ты мне под дурачка не коси! Чего ты все отмазаться хочешь?! Ты что, думаешь, я тебе соскочить от ответа позволю?!

– Я от ответа никогда не уходил, – покачал головой отец Василий. – Спрашивай, отвечу.

Лицо Романа истерически перекосилось.

– Слушай меня, гнида! – прошипел он. – Ты не просто ответишь! Ты вообще отсюда не выйдешь, пока за каждое

свое гнилое слово не ответишь!

– У меня только одно слово – божие, – спокойно произнес отец Василий и приготовился отражать бросок. То, что Роман Григорьевич на грани полной потери самоконтроля, было очевидно.

«Если кинется сам – проблем нет, – слегка развернул он корпус и немного присел. – Лишь бы эти культуристы не налетели, могут массой задавить...»

– Значит, за него и ответишь.

В руках у Романа сверкнул откидной нож моментом, в долю секунды, а еще через долю секунды отец Василий перехватил выброшенную вперед руку, провел ее на излом и саданул авторитета лбом о стену. Стена загудела. Но уже в следующий миг Роман ударил его ногой по голени, и священник, съехав по сверкающему лаком полу скользкими пластиковыми подошвами новеньких туфель, всей массой ухнул вниз.

Они сцепились, как два бультерьера. Роман все норовил заехать священнику большим пальцем в глаз, и отец Василий, собрав свои силы в один комок, сдернул авторитета пониже и насадил его лицом на свой крепкий широкий лоб. Роман охнул и на миг ослабил хватку. И в следующий момент оказался внизу, под противником.

– Гнида! – рычал он. – Ур-рою! Живьем закопаю! – Но поделаться ничего не мог: боевой опыт бывшего спецназовца Михаила Шатунова, а ныне православного усть-кудеярского

священника отца Василия был куда как больше. Отец Василий просто удерживал его под собой, не позволяя ни вывернуться, ни нанести удар.

– Я тебе, с-сука, покажу монастыр-рь! – бессильно рычал Роман. – Я тебя до ср-рока наверх отпр-равлю!

– Не понял? – удивился священник. – Какой монастырь? Сережа что, в монастырь собрался?

Этой его секундной заминки хватило, чтобы Роман сбросил священника с себя, и они разлетелись в разные стороны и почти одновременно вскочили на ноги.

– При чем здесь Сережа?! – нанес Роман зубодробительный удар.

Священник уклонился.

– А при чем здесь монастырь? – И провел ответный удар – в корпус.

Роман прикрылся, сменил позицию, снова поднял руку для удара и остановился. Он видел, что поп недоумеваает совершенно искренне.

– А кто рассказал про правила приема в монастырь?! Не ты?! – заорал он.

Священник опешил. Ни сном ни духом он не подозревал, что сын Романа Григорьевича собрался в монастырь. Неужто раскаялся?!

– Я вашему Сереже ни слова про монастырь не говорил, – покачал он головой.

– Да при чем здесь Сережа?! – еще громче заорал Роман. –

Я про Катерину говорю!

– Уф-ф! – выдохнул священник. – Так бы и сказали... Это что же получается, Катенька ваша дочка?

– А чья же еще? – оторопело хмыкнул медленно выпадающий в осадок отец двоих детей.

– Так вы ошибаетесь, Роман Григорьевич, – помассировал ушибленный лоб священник. – Я, напротив, Катеньку отговаривал, затем и про правила приема рассказал, чтобы реальной относилась девочка... Это ведь не в техникум поступить! – покачал он головой.

– Вот и я ей про то же! – расстроено поддакнул Роман Григорьевич. – Вот чего ей взбрендило?!

Это был вопрос. Пожалуй, главный вопрос.

* * *

Когда пару месяцев назад в храм зачастила эта темноволосая, живая девушка, отец Василий этому значения не придал. Но на первой же исповеди вскрылось очень и очень даже многое. Здесь было все: жестокий, властный отец, забитая, бессловесная мать, непутевый брат и, конечно же, несчастная любовь. Как говорится, полный комплект.

Катенька была девушка с характером, но даже ей приходилось туго в таком переплетении личных проблем. Она до смерти боялась отца и небезосновательно полагала, что состоятельное семейство просто не позволит ей связать свою

судьбу с человеком, что называется, «из низов». Нормальная семейная трагедия эпохи начального накопления капитала. Отсюда и эта идея о монастыре.

Отец Василий не был настолько глуп, чтобы не видеть: энергия и жизнелюбие этой девушки настолько велики, что удержаться в строгих рамках монастырского устава ей будет сверхсложно. Да и не было в ней настоящей, глубоко внутренней тяги стать «невестой Христовой». Протеста – выше крыши, отчаяния – хоть отбавляй, желания сбежать от проблем – полно, а вот веры маловато. Потому и объяснял ей все, как мог: и уставные положения цитировал, и основы христианской науки пытался донести... Без толку. Катерину как заклинило.

Она начала готовиться к своей новой судьбе со всем пылом молодой нерастраченной женской энергии. Наизусть учила псалмы, вставала с постели и заканчивала день с Новым Заветом в руках, купила словарь христианских терминов... Но каждый новый день в ее глазах появлялось все больше отчаяния и протеста, уже и не поймешь, отчего. И вот на тебе! Открылся «ларчик».

* * *

– Уважаемый Роман Григорьевич, – покачал травмированной о бандитское лицо головой отец Василий. – Если вы хотите взаимопонимания с дочерью, то вам с этого и надо

начинать, а не бросаться с кулаками на ее духовника.

– Брось, поп! – нетерпеливо отмахнулся Роман. – Буду я с ней разговоры разговаривать! У меня дел невпроворот, а тут еще она со своими бабскими закидонами! Ты лучше скажи, чего ей не хватает!

– Это она должна вам сказать сама.

– Но ты же знаешь?! – то ли спросил, то ли возразил Роман. – Ты скажи, внакладе не будешь!

– Вы хотите, чтобы я нарушил великое таинство православной церкви? – усмехнулся отец Василий. – Таинство покаяния человека перед богом?

– Только не надо мне мораль разводить! – разозлился Роман. – А то я не знаю, что все вы, суки, на ментов да на чекистов работаете!

Он тут же спохватился, но слово вылетело. Теперь священник имел полное моральное право встать в позу.

– Я не работаю, – покачал он головой, – ни на ментов, ни на чекистов, ни на вас, Роман Григорьевич. Но дело даже не в этом. Просто пока вы не поймете, что дело не в других, а в вас самих, не желающих услышать своих детей, вы не поймете ничего. Умейте выслушать своих детей и по-христиански простить их, что бы они вам ни поведали... И все будет иначе.

Это был красивый финал. Священник многозначительно кивнул головой и тронулся к двери мимо оцепеневшего авторитета.

Но выйти он не успел. По коридору, прямо по направлению к нему двигался молодой курчавый парень, которого только вчера повязали во дворе священника. Священник непроизвольно напрягся и отошел в сторонку, пропуская парня в гостиную. Но Сережа застрял в дверях, прямо напротив отца.

Они стояли и смотрели один другому в глаза, не отрывая и не опуская взгляда, долго, очень долго.

– Ты что делаешь, щенок? – сглотнул отец.

– А что? Все нормально, – пожал плечами сын.

– Ты знаешь, сколько бабок я мусорам отстегнул, чтоб они, суки, про килограмм героина забыли? – спросил отец.

– Я бы и сам вышел, – тряхнул головой сын.

– Лет через шесть вышел бы, – согласился отец. – У кого товар брал, у Козыря?

Сережа молчал.

– Ладно, я с ним отдельно поговорю, – откашлялся Роман. – Только объясни мне, а то я что-то не въезжаю, тебе что, бабок не хватает? Сколько тебе надо?

– Не надо мне твоих денег, – выдавил Сережа.

– Ах, ну да! – язвительно засмеялся Роман. – Как это я забыл?! Тебе же свое дело надо... Так бери! Хочешь бригаду? Базара нет, отдам; лишь бы кишка не лопнула! Что молчишь? Не хочешь с братвой вязаться?! Боишься, что пацаны тебе на твое место сразу покажут?! Так заткни язык в ж... и делай, что тебе говорят! Щенок!

– А ты меня своей братвой не пугай... – тихо проронил Сережа. – Мне вообще ничего твоего не надо.

– Ты видел, батюшка? – призывая попа в свидетели, нервно вздохнул Роман. – Ему ничего отцовского не надо! А то, что я, блин, день и ночь для него горблюсь, чтоб грязной работой сынок не занимался, это, значит, ничего?! Это можно?! И штаны за сто баксов носить можно, и курточку за полторы штуки!

Глаза Романа побелели, он подлетел к сыну и схватил его за ворот.

– Ты почему допустил, чтоб тебя повязали?! Сколько тебя учить можно?!

– Поп меня сдал! – заверещал Сережа. – У него во дворе повязали!

– Что?!

Они произнесли это вместе: и отец и священник. И тут до Романа что-то начало доходить. Похоже, он получил дополнительное доказательство своей уверенности в том, что все попы стукачи.

– Так-так, батюшка... Что ты там насчет моего сынка говорил? Сам в это дерьмо влез? Так?

– Так, – кивнул отец Василий и немного отодвинулся, как раз на расстояние вытянутой руки.

– Так это ты его сдал?

Роман выпустил взмокшего от страха сына из рук и начал медленно надвигаться на священника. Отец Василий изгото-

вился.

Роман рывком схватил его за ворот, и отец Василий ответил тем же. Они сцепились и, не подпуская один другого к себе ни на сантиметр, так же рывками закружились по комнате.

– Тебе не говорили... Сережа... – глядя Роману прямо в глаза, спросил священник, – что иногда... за базар отвечать... приходится?

Сережа молчал. Роман тоже. Но в глазах отца что-то дрогнуло.

– Если мужчина... – священник прижал Романа к стене, – не отвечает... он, как бы... не до конца... – Роман развернул его вокруг себя и ударил в какую-то дверь, – не до конца мужчина...

Роман стиснул зубы еще крепче.

– Тебя, наверное, не учили, – с презрением закончил отец Василий. – А жаль.

Роман отпустил его так же резко, как и схватил, в два прыжка оказался возле сына и взял его за ворот.

– Давай! – приказал он. – Тебе предъявили.

Сережа растерялся.

– Поп меня сдал, – упрямо повторил он.

– Ты конкретно говори, – уже успокоился священник.

– Не встрейай! – оборвал его Роман и снова повернулся к сыну. – Ты понял, что я тебе сказал?

«Бедная Катерина! – покачал головой священник. – Ну и

семейка! Псих на психе!» Он уже видел, как права была его молодая прихожанка, когда клялась, что найти общий язык с ее отцом – дело почти невыполнимое. Так оно и было.

Роман принялся размеренно стучать Сережу головой о стену, требуя конкретики, а отец Василий стоял, смотрел и тихо молился о том, чтобы господь или вразумил неразумных, или прекратил это тупиковое, бессмысленное, изначально «мужское воспитание». Хотя, пожалуй, он сам его и спровоцировал...

– Ты слышал, что я тебе сказал? – шипел отец, но ответом ему был только тупой стук сыновьей головы о стену.

– Хватит, па, – прозвенел от двери знакомый голосок, и все трое мужиков одновременно повернулись.

Это была Катерина.

– Хватит.

Катерина подошла, оторвала багровые от напряжения отцовские руки от воротника ослепевшего от воспитательно-го процесса братишки, и отец Василий подумал, что, наверное, Катя не права и не так уж мала ее власть над ситуацией в семье. И если отец послушал ее сейчас, как знает, может быть, послушает и потом?

– Что вы здесь делаете, батюшка? – повернулась к священнику Катерина.

– Что-что?! – со страданием в голосе передразнил ее отец. – Тебя обсуждаем, вот что!

– А Сережка тут при чем? – вытолкнула залитого слезами

старшего брата в дверь Катерина.

– Это наши дела, – угрюмо отозвался Роман. – Мужские...

Отец Василий с облегчением вздохнул и направился к выходу. Острый семейный кризис миновал, и он мог снова заняться своим делом. «Ну, Катька, ну, дает девка!» – сокрушенно качал он головой, хотя сам же понимал, что родителей не выбирают, и уж Каткиной вины в том, чья она дочь, нет.

– Ты помни, поп, что я тебе сказал! – крикнул вслед ему Роман, и священник, не оборачиваясь, кивнул: как тут не запомнишь?

Он прошел мимо двух огромных телохранителей на входе и направился по выложенной брусчаткой дорожке к железной калитке.

– Батюшка! Подождите!

Он обернулся. Катерина уж подбегала.

– Вы меня извините, батюшка, что все так получилось, – тревожно посмотрела ему в глаза девушка. – Я не должна была скрывать от вас, кто мой отец...

– Хорошо, что ты это поняла, дитя мое, – вздохнул отец Василий, покачал головой и вышел на пыльную шанхайскую улицу.

– Я вечером приду! – крикнула вслед Катерина.

* * *

За то недолгое время, что отец Василий служил господу

в усть-кудьярском храме Николая Угодника, он побывал в стольких переделках, что и счет им потерял. Он, как магнитом, притягивал к себе всякую сволочь и, естественно, не раз задумывался о природе этого мистического явления.

Отчасти причиной тому было само его положение. Каждый священник знает и легко выделяет в толпе этих людей с горящими глазами, выдающими крайне неустойчивое состояние психики и как бы говорящими: «Помогите мне, батюшка, пока я чего-нибудь не натворил!» Об этих прихожанах юных семинаристов предупреждали еще на первом году обучения.

А если понимать саму суть того, что происходит на храмовой территории, то все вполне объяснимо. Обуреваемые страстями и одолеваемые греховными побуждениями миряне волей-неволей несут свои страсти и свои побуждения сюда, на маленький кусочек земли, откуда ближе всего до неба. И часто, слишком часто они приходят в храм именно в тот момент, когда им уже становится невмоготу, а страсти готовы прорваться наружу...

Но при всем при том отец Василий видел: другие священники как-то умудряются избегать наиболее острых углов, а он не умеет. То ли продолжает сказываться его прежнее буйное мирское прошлое, то ли душа недостаточно очистилась для того, чтобы не прилипали к ней всякая грязь и нечистоты, а может быть, именно таковы были планы всевышнего...

Но бывало и так, как с Катериной и ее отцом: тянется чи-

стая детская душа к богу, а погрязшие в сварах и раздорах «предки» норовят помешать, втиснуться между творцом и его творением, загородить, крикнуть: «Не дам!» И сами не понимают, в чьи руки передают бессмертную душу своего и божьего дитяти. Нечто подобное произошло и в семье Якубовых. Обычное семейное дело...

* * *

Этим вечером отец Василий специально задержался в храме, чтобы еще раз переговорить с Катериной, но девушки все не было и не было, и пришла она как раз в тот момент, когда бесконечно уставший от напряжения дня священник собрался идти домой. И пришла не одна.

Отец Василий глянул на ее парня и остолбенел.

Перед ним во всей своей молодецкой красе и богатырстве стоял милицейский лейтенант Санька Мальцев!

– Здравсьте, батюшка, – разулыбался Санька.

– Здравствуй, Саша, – сглотнул священник.

Только теперь он осознал, насколько права была Катерина, утверждая, что ее папанька ни за что не разрешит ей выйти за ее любимого. «Интересно, а Санька знает, чья она дочь?..» – мелькнула у него мысль.

– Вы бы сказали ей, батюшка, чтоб не выпендривалась, – рассмеялся Санька. – Все равно ведь все по-моему будет!

– С родителями знакомить собираешься? – повернулся

отец Василий к Катерине.

– Ы-ы, – отрицательно мотнула головой Катерина.

– Вот и я то же самое спрашиваю! – развел руки в стороны Санька. – Когда, мол, сватов засылать? И что, думаете, она отвечает? Да то же самое! До лифта проводить разрешает, а дальше ни-ни! И думать не смей...

Санька рассмеялся: легко, душевно, заразительно, а священник смотрел в глаза Катерине и видел в них только панический ужас и мольбу: «Не надо! Не говорите ему ничего!»

«Значит, до лифта... – хмыкнул про себя отец Василий. – Ну-ну, знаем мы эти детские хитрости. Пересидит где-нибудь наверху или к подружке заскочит, а потом на такси и домой!»

Формально отец Василий имел право рассказать Саньке правду: то, что он узнал о родителях Катерины, он узнал не на исповеди. Но священник понимал и другое: если Катя не найдет в себе сил быть правдивой с самого начала, дальше будет еще хуже. Она должна стать сильнее своих страхов и лучше, если сама, без постороннего вмешательства...

– А повенчать вы нас можете? – оборвала цепь его размышлений Катя.

– После загса без проблем, – кивнул священник.

– А тайно?..

– Без благословения родителей? – наклонил голову отец Василий.

– Ага! Как в восемнадцатом веке...

– Ты же взрослый человек, Катенька, – покачал он головой. – И принимаешь вполне взрослое решение... Давай уж будем ответственными до конца! Хотите венчаться? Очень хорошо! Крещение для Александра, если он не крещен; исповедание грехов и причащение таинств для обоих; благословение родителей; справка из загса, и я вас повенчаю.

От этого перечня молодые приуныли. Но только на секунду.

– Я крещусь, – твердо заявил Санька. – Хоть сейчас.

– Это серьезное решение, Саша, – заглянул ему в глаза отец Василий и увидел, что они очень серьезны.

– Когда прийти? – спросил Санька.

– Приходите через три дня, молодой человек, – улыбнулся священник. – И почитайте для начала Новый Завет господина нашего Иисуса Христа. Пройдемте со мной, я вам дам.

* * *

Он пришел домой взволнованный, словно сам пытался тайно обвенчаться; долго не мог уснуть, ворочался, и тогда Олюшка обняла его и прижала к своему теплему, сдобному телу.

– Что с вами стряслось, батюшка?

– Ты представляешь, Олюшка, молодые у меня есть, повенчаться тайно хотят! – прошептал он. – Без ничего, как есть! Без благословения и даже без справки из загса...

– Так повенчайте...

Священник недовольно заворчал: от кого, от кого, но от своей половины он такого непонимания самых основ его служения никак не ожидал.

– Я б за вас и без справки из загса, и даже без благословения пошла б, – зарылась лицом в его бороду попадья.

– Нашла с кем сравнивать! – усмехнулся отец Василий. – Мы – это особый случай!

– А почему вы знаете, что они – не особый? – резонно возразила жена. – Про то один Господь знает...

«А может быть, и впрямь я напрасно так переживаю?» – задумался вдруг отец Василий, но тут же себя одернул. Слишком уж непростая семейная ситуация складывалась; тут, как на минном поле: не туда ступил, и все! И не только ему, как священнику, будут неприятности; неизвестно, как и для самих молодых обернется... Один Роман Григорьевич Якубов чего стоит!

* * *

Санька пришел через три дня, точно в назначенное время. – А я и крестного отца привел! – радостно разулыбался он. Отец Василий глянул на одетого в новенькую камуфляжку, при всех регалиях «крестного» и улыбнулся: это был тот самый милицкий чин, который чуть ли не скакал от радости, когда Санька взял Сережу Якубова.

– Андрей Макарович Пасюк, – протянул крепкую, словно из металла отлитую ладонь для пожатия милиционер и сдержанно хохотнул. – Так сказать, предводитель местного РУБОПа.

Отец Василий пожал протянутую руку и улыбнулся лейтенанту.

– В твоём возрасте крестные родители необязательны, – поставил он Саньку в известность. – Ты достаточно взрослый, чтобы...

– Ниче-ниче! – протестующе выставил ладони вперед Андрей Макарович. – Пацан сирота, без родителей, а так хоть одна родная душа в Усть-Кудеяре появится...

Отец Василий только развел руками: такое душевное отношение людей друг к другу всегда радовало его. И поэтому он без долгих рассусоливаний, с полной самоотдачей провёл Саньку через отречение от сатаны и обещание Христу, с огромным воодушевлением произнес великую ектению, помазал воду и крещаемого елеем и приступил к собственно крещению.

Санька был необычайно серьёзен, и это тоже радовало священника. Что таить, случалось отцу Василию сталкиваться и с вовсе негодным поведением крещаемых, особенно парней. Он понимал, что такой у них, видно, возраст, и все равно довольно сильно расстраивался. Но на этот раз все было иначе: раб божий Александр действительно был внутренне готов к этому великому таинству.

– Я рад за тебя, Саша, – не выдержав, произнес он, когда все завершилось. – Теперь следующий этап. Исповедание грехов и причастие... Три дня не курить, не выпивать...

– Да я и не курю, – улыбнулся Санька.

– И пить мы пока не собираемся, – поддержал его Макарыч.

– Вот и молодцы, – похвалил их обоих священник.

* * *

Сразу после крещения Андрей Макарович заторопился на службу, а Санька, горя желанием поговорить со священником о Катерине и предстоящем рано или поздно венчании, задержался. Они вышли из нижнего храма и потихоньку направились к выходу.

– Что она от меня скрывает, батюшка? – спросил он, когда они вышли за ворота.

– Знаешь, Саша, лучше она расскажет это тебе сама, – покачал головой священник.

– Тайна исповеди? – по-своему понял его лейтенант.

– Нет, дело не в этом, – покачал головой отец Василий. – Но будет лучше для вас обоих, если никаких утаиваний у вас просто не будет с самого начала. И не потому, что я что-то разболтал; просто она должна быть на сто процентов уверена в правильности того, что делает.

Санька опечалился: отсутствие стопроцентной уверенно-

сти Катерины в правильности выбора угнетало парня изрядно. Солнце уже скрылось за стенами домов, но до вечерней службы время еще оставалось, и они шли по бегущей в горку мимо храма неширокой, сумеречной улочке и молчали. Отец Василий не торопил события и ничего не навязывал, он понимал, что иногда важнее просто помолчать.

Из проулка вынырнули две фигуры.

– Стоять! – хрипло скомандовал один, и священник ментально отметил, что на лица этой парочки придурков натянуты черные женские чулки.

Отец Василий и Санька, словно братья-близнецы после многих лет совместных тренировок, приняли почти одинаковые стойки, готовые отразить любую агрессию.

Но боя не получилось.

Санька рванулся вперед первым: молодость и задор взяли свое. Одним рывком он сорвал с одного чулок, из-под которого рассыпались в разные стороны черные курчавые волосы Якубова-младшего. И в следующий миг раздался хлопок. Санька пошатнулся, и оба нападавших помчались прочь.

– Санька! – кинулся к лейтенанту отец Василий. – Куда?! Куда попали?! – и сразу же увидел, что он и сам уже весь в крови.

Священник подхватил Саньку на руки, бегом перетащил под уличный фонарь и сразу все понял: пуля вошла в предплечье, и оттуда толчками хлестала кровь. «Артерия!» – охнул он и опустил Саньку на землю.

– Да все со мной в порядке! – вырывался Санька, словно не замечая, что заливают собственной кровью все вокруг.

– Лежать! – рявкнул священник, в два приема вытащил из собственных брюк ремень и принялся перетягивать руку.

– Вот... козел... этот Якубов! – теряя окончания слов, прерывисто выдохнул Санька. – И ведь... вышел, гад, на свободу... в тот же день! Почему так бывает, батюшка?

«Дотащить бы тебя!» – сокрушенно подумал отец Василий. Кровь приостановилась и уже не хлестала этими жуткими толчками, но все еще шла, и весьма обильно. Он закрепил ремень, взвалил Саньку на плечо и бегом помчался в райбольницу – мешкать было нельзя.

– Ну, я его достану! Клянусь! – прохрипел Санька.

Он еще пытался что-то сделать, как-то сползти на асфальт, чтобы пойти самому, но силы покидали его ежесекундно.

«Не дотащу!» – внезапно перепугался отец Василий.

– Я... этих козлов! Мочить!.. Мочить...

Он совсем уже терялся... И только одна мысль преследовала молодого лейтенанта и выходила из него словами вместе с кровью и жизнью: «Мочить!»

И тогда священник заговорил:

– Саша! Ты должен его простить! – задыхаясь от быстрого бега, в три приема выдохнул он.

– Почему?

– Я боюсь, – честно признал священник. – Если я не

успею, ты отдашь душу сегодня же...

– Да? – как-то вяло удивился Санька. – Но я должен... мочить...

Лейтенант уже не был целиком здесь.

– Ты не должен уходить с этой мыслью! – заорал отец Василий и прибавил ходу, рассекая случайно попадающиеся парочки, как крейсер лед, пополам. – Нельзя этого! Понимаешь?!

– Он козел... – вяло, как неживой, возразил Санька. – Мочить... Какой яркий свет!.. Мочить...

Он уже «переходил».

– Он Катькин брат! – заорал священник. – Прости его! Постарайся, Сашка! Нельзя так уходить! Прости его!!!

– Брат?! – встрепенулся Санька и вдруг тихо засмеялся и обмяк.

Отец Василий зарычал от переполняющих его чувств и прибавил скорости. Он не был уверен, что Санька успел осознать всю важность момента смерти! Слишком все быстро! Слишком...

* * *

Когда он притащил Саньку в больницу, лейтенант РУБО-Па был белым как мел и совершенно бесчувственным. К ним тут же подбежали санитары, подхватили парня на руки, куда-то потащили, а священник, пачкая полы и стены Саньки-

ной кровью, метался то к гардеробщице, то к санитарке, то к дежурному врачу и все добивался от них, где главврач, словно Костино личное присутствие могло хоть что-нибудь изменить.

– Да вызовите вы к нему Константина Ивановича! – не выдержал наконец дежурный хирург. – Работать же мешает!

И отец Василий как-то сразу пришел в себя и понял, что сделал все, что мог, и остальное зависит уже не от него.

Он заставил себя выйти на улицу, постепенно восстановил дыхание и попытался думать логически. Следовало как можно быстрее сообщить об инциденте Макарычу или хотя бы дежурному по РОВД и, конечно же, отмыться и переодеться. Отец Василий отер кровь с наручных часов и покачал головой: и помыться, и переодеться к службе он уже не успевал.

– Привет, Мишаня, – по привычке назвал его мирским именем подошедший сзади главврач.

– Здравствуй, Костя, – не оборачиваясь, откликнулся священник.

– Тебя этот, Мальцев зовет... Говорит, срочно.

– Живой?! – резко повернулся к другу отец Василий.

– Пока не совсем, – улыбнулся Костя. – Но шансы у него прекрасные. Кость не задета. Кровь уже вливаем; утром будет как огурчик.

Священник торопливо прошел вслед за Костей и, не в силах удержать себя, кинулся в операционную. Парня уже зашили и теперь переливали ему кровь.

– Константин Иванович! – укоризненно протянул хирург. – Что за бардак?! Ну неужто я вам буду объяснять правила?! Чего вы его притащили?! Это же операционная, а не морг...

– Помолчи, Боря, – дружелюбно одернул подчиненного Костя.

Отец Василий подошел ближе. Санька был в сознании, хотя сконцентрировать взгляд ему удавалось с трудом.

– Батюшка...

– Да, Саша.

– Не говорите Макарычу.

– Не говорить?

– Да. Не надо. Я сам с «этим» поговорю. Как мужик с мужиком... Нельзя нам с Катькой с этого начинать. Вы понимаете?

Отец Василий понимал. Весь его опыт говорил о том же: с такого события, как это, совместную жизнь начинать нельзя. А следствие и суд в отношении брата невесты – это полный крах всех дальнейших планов на благополучный и счастливый брак. Тут Санька был прав на двести процентов.

– Я вас очень прошу, не говорите... – повторил Санька и прикрыл глаза. – Очень...

* * *

В РОВД позвонил дежурный врач, уже после операции.

Но отец Василий не стал дожидаться визита следователя, а отнес пропитанные кровью рясу, подрясник и прочее одеяние в больничную прачечную, прошел вслед за Костей в душевую и через полчаса уже надевал привезенную шофером главврача от Ольги новую рясу, чтобы еще через четверть часа начать-таки вечернюю службу. Пусть и для тех немногих, кто его дождался.

Он стоял перед тяжелейшим моральным выбором: рассказать или не рассказать. Отец Василий ничего не обещал Саньке. Более того, понимание того, что нервный, весь в отца, Сережа может на этом не остановиться, только подстегивало священника к исполнению гражданского долга.

Но он не мог относиться к Сереже только как к преступнику, да и обещание Саньки самостоятельно поговорить с будущим шурином «по-мужски», а значит, не вовлекая слепую Фемиду в поход по минному полю семейных отношений, показалось ему достаточно мудрым. Гораздо более мудрым, чем предсмертное устремление безостановочно «мочить этих козлов».

И когда следователь все-таки нашел его в храме, очень оперативно, не более чем через полчаса после звонка из больницы, отец Василий был готов ответить на любой вопрос, кроме главного: «Кто?»

– Мы обнаружили на месте преступления черный капроновый чулок, – напряженно смотря отцу Василию прямо в глаза, домогался следователь. – Неужели вы не запомнили

его лица?

– Так уже вечерело... – пожимал плечами священник.

– Не так уж и темно было, – возражал следователь.

– Все произошло так быстро... – виновато опускал очи долу отец Василий, и следователь яростно вздыхал и начинал все сначала.

* * *

Саньку отец Василий исповедал и причастил на следующий же день. Лейтенант выглядел бледновато, но сознание удерживал легко, и единственное, что его беспокоило, так это, чтобы будущий шурин не натворил чего еще. Но потом в больницу пришел Макарыч, и поводов для беспокойства прибавилось.

– Это Рома сделал! – с ходу заявил главный рубоповец городка. – Я вам точно говорю!

Священник по возможности тактично попытался узнать, почему Андрей Макарович так уверен в виновности старшего Якубова, но ничего внятного в ответ не услышал.

– Ну, ничего! Я ему устрою веселую жизнь! – беспрерывно горячился Макарыч. – Он у меня еще попляшет! Думает, пацана своего отмазал, так и ему все с рук сойдет? А хрен там! Я ему устрою! На всю жизнь запомнит!

Санька смотрел на своего крестного с глубоким отчаянием, но поделать ничего не мог: ни правды сказать, ни оста-

новить. И тогда отец Василий подумал, что он-то сам знает, кто стрелял, да и Сережа знает, что священник его узнал... А это означает одно: надо встречаться с будущим Санькиным шурином как можно быстрее, пока тот и впрямь чего не натворил; испуганный человек опасен, а Сережа наверняка напуган.

Отец Василий попрощался с Санькой и Макарычем и ушел в храм на вечернюю службу, а уже затемно сел в свою вроде как отремонтированную, но по-прежнему дребезжащую на каждой кочке и каждой трещине в асфальте машину и поехал в «Шанхай».

Он еще не знал, что именно скажет, но понимал: погрязшего во лжи и грехах романовского сынка нужно как-то побудить к искренности. Когда-то давно, еще в спецназе, чтобы добиться полной откровенности, ему пришлось набить человеку... лицо, и все получилось. Сейчас он прав на это не имел, а значит, единственным его оружием будет слово – впрочем, самое мощное оружие на свете.

Он заехал в «Шанхай», миновал огромный холостяцкий дом главврача районной больницы, а еще через пару минут уже подъезжал к знакомому глухому бетонному забору. Вышел, закрыл дверцу автомашины, тщательно проверил, насколько хорошо закрыл, направился к калитке и позвонил.

Калитка мгновенно приоткрылась, и в узкой щели появилось мрачное лицо охранника.

– Чего надо?

– Меня зовут отец Василий, и я хотел бы поговорить с Сергеем Якубовым, – спокойно поведал цель визита священник.

– Нет его, – так же мрачно отшил его охранник и хотел уже закрыть калитку, но священник приостановил его жестом руки.

– Тогда с Катериной.

– Щас спрошу, – пообещал охранник и закрыл-таки вход в дом.

Священник прислушался к себе и понял, что волнуется. Сергей мог просто прятаться от людей, и Катерина могла сказать, так ли это. Но скажет ли?

– Проходи, – открыл калитку настежь охранник.

Отец Василий кивнул и прошел внутрь.

* * *

Катерина ждала его на крыльце. Хотя называть крыльцом это масштабное строение, пожалуй, было неправильно.

– Что стряслось, батюшка?! – кинулась к нему девушка.

– Слушай, Катенька, ты не знаешь, Сергей дома?

– Нет, – замотала головой Катерина. – Со вчерашнего дня не появлялся. Что, опять он во что-нибудь вляпался?

– Не без этого, – печально улыбнулся отец Василий. – Но я хотел бы поговорить с ним лично.

– Не удастся, – вздохнула Катерина. – Он из ментовки сам

не свой вышел. Даже со мной не разговаривает. Да вы проходите! Папы все равно дома нет. Пойдемте, я вас кофею напою...

– Спасибо, не откажусь, – улыбнулся отец Василий. – Ты-то сама как?

– Нормально, – пожала плечами Катерина. – Сашка вот в парк вчера не пришел... Наверное, снова на задании. Ой! Вот я дура! Он же креститься вчера должен был! Ну что, как он? Крестился?

Она ничего не знала.

– С этим все в порядке, – сдержанно кивнул отец Василий. – Даже крестного отца привел...

– И слава богу!

Катерина провела его в дом, затем в огромную, уставленную роскошной мебелью кухню и решительно, вполне хозяйски, если не сказать – по-барски, погнала прочь шарящегося по полкам охранника.

– И чего ты здесь потерял?

– Да вот, чаю хотел попить, а то у нас в дежурке заварка кончилась, – пробубнил огромный детина и торопливо вернулся в шкаф, видимо, только что вытащенную огромную жестяную банку из-под дорожущего чая.

– А почему к Мастаку не обратился? Давай-давай, освобождай помещение!

Отец Василий смущенно откашлялся. Теперь ему стало понятнее, откуда в Кате прорезываются порой эти команд-

ные нотки. Как ни крути, а папина власть передается и детям; пусть не целиком, пусть выборочно, а передается...

Катя усадила священника за изящный, инкрустированный разными породами дерева столик и принялась готовить кофе.

– Вот как мне ему это объяснить? И что он обо мне подумает? Я вообще не понимаю, как мне быть! – выдавала она отцу Василию все, что наболело. – Папа ведь тоже... не поймет!

– Лучше правды ничего быть не может, – серьезно сказал священник. – Даже если правда горькая...

– Ой, не знаю, батюшка... – вздохнула девушка.

За окном раздался шум человеческих голосов.

– Ну, вот и папа приехал, – сокрушенно покачала головой Катерина и выглянула в окно. – А я так хотела с вами... – и вдруг удивилась: – Это не папа... А кто?

Сидевший к окну спиной отец Василий повернулся и чуть не свалился со стула: сквозь заблокировавшую проход к дому охрану прорывался... Макарыч.

– РУБОП?! – вслух удивился он.

– Какой тебе, на хрен, ордер, урка?! – орал Макарыч на старшего охраны. – Руки убери, я сказал! Убери, пока их тебе не оторвали, пацан!

– Не положено! – стоял на своем старший. – Мне вы хоть откуда? Хозяин придет, он и запустит...

– Какой РУБОП? – встревожилась Катерина. – Зачем РУ-

БОП?!

– Этого я не знаю... – проронил священник и вдруг вспомнил, как Макарыч клялся Саньке отомстить за него Роману.

Он встрепенулся и увидел, как тревожно смотрит Катерина то на него, то во двор...

– Иди отсюда! – рявкнули во дворе, и тут же слышались характерные звуки схватки.

Священник выглянул. Охранников стремительно повалили на постриженную траву и уже через несколько секунд начали добивать ногами.

Катерина охнула.

– Понятых сюда! – властно распорядился Макарыч.

– А что им надо? У нас ведь в доме ничего такого нет. Неужто они не знают? – нервно произнесла Катерина и вдруг кинулась к навесным шкафам.

Она открывала одну дверцу за другой, а потом, словно что-то вспомнив, стремительно вытащила пару минут назад облапанную охранником здоровенную жестяную банку из-под чая и вытряхнула на стол большой запаянный полиэтиленовый пакет с белым порошком.

Настала очередь удивиться и священнику.

– Катя, что это?

– А я откуда знаю?! – расстроено всплеснула она руками. – Наверное, этот новенький подсунул! До него сюда вообще никто из них не заходил и по шкафам не шарился! Да что вы на меня так смотрите?! Вы что думаете, раз мы Яку-

бовы, так и чай с героином пьем?

Священник так не думал. Если честно, он думал как раз наоборот: Рома, конечно, придурок, но не настолько, чтобы хранить это у себя дома. Хотя и Катина сообразительность наводила на размышления – видно, какой-никакой, а этот специфический опыт у нее был...

Катерина заметалась по кухне, а в коридоре уже гремели тяжелые армейские сапоги рубоповцев.

– Прошу понятых со мной! – распорядился где-то за дверями Макарыч.

И тогда Катерина стремительно задрала юбку, сунула пакет в отделанные кружевом трусики, разгладила его на животе и уже через секунду как ни в чем не бывало стояла с кофеваркой в руках. Дверь открылась.

– Понятых прошу... – снова повторил Макарыч и удивился. – Отец Василий?

– Да, товарищ майор, – кивнул священник. – Прихожанку вот навестить пришел. А вы какими судьбами?

– И мы... тоже, – хмыкнул Макарыч, – как бы в гости, – и обернулся. – Так!.. Понятых прошу подойти ко мне.

– Здравсьте, – виновато пригнули головы в дверях немолодая, бедно одетая женщина и такой же небогато выглядевший мужчина.

– Проходите-проходите, – сделал широкий жест рукой Макарыч и пояснил: – Сейчас будет произведен обыск на предмет обнаружения оружия, наркотиков, боеприпасов и

иных противозаконных предметов...

Катерина стояла белее героина. Священник тронул ее за руку, и девушка словно очнулась.

– Я так понимаю, кофе нам попить сегодня не удастся? – улыбнулся он ей.

– Почему? – через силу улыбнулась она и взяла себя в руки. – Я думаю, скоро все уладится.

И тогда во дворе снова зашумели.

– Они тебе хоть ордер предъявили?! – отчетливо прорезался сквозь шум свары резкий голос Романа Якубова. – А какого тогда...

Священник бросил взгляд на Макарыча. Тот побледнел: видимо, визит хозяина дома в самый разгар самовольного обыска в его планы не входил.

– Ну, чего, Андрей Макарович, начинаем? – протиснулся в кухню рослый боец. – А то на дворе уже Роман вовсю шумит, приехал, требует, чтобы впустили...

– Впусти! – внезапно усмехнулся Макарыч. – Пусть присутствует.

Боец пожал плечами и вышел, а меньше чем через минуту снова вернулся, но уже в сопровождении Романа Григорьевича.

– Ты чего беспредельничаешь?! – с порога налетел Якубов на Макарыча. – Или давно по судам не таскали?!

– Не шуми, Роман, – одернул его Макарыч. – Сейчас мы посмотрим, кто кого по судам таскать будет. А точнее, кого

будут возить...

Роман спокойно и внимательно оглядел кухню, увидел священника, удивился, бросил недовольный взгляд на пригнувшихся еще ниже понятых, видимо своих соседей, и сел.

– Ну что ж, – развел он руками в стороны. – Ты сам напросился. Вперед. Покажи, на что способен.

– Начинай, Шемякин, – кивнул Макарыч все тому же рослому бойцу.

Шемякин принялся обшаривать навесные шкафы, быстро, пожалуй, даже слишком быстро, дошел и до «того самого», демонстративно обшарил рукой полки, достал жестяную банку из-под чая и...

Отец Василий неотрывно следил за Андреем Макаровичем. Он видел все: как все более и более теплеет суровое милицейское лицо и как одновременно все быстрее бегают из стороны в сторону его серые, как спецсталь, глаза.

Боец сунул руку в банку, пошарил, ничего, кроме остатков чая, там не обнаружил и с несколько ошарашенным видом поставил ее на место.

Макарыч удивился. Поднялись брови, наморщился лоб, приоткрылись глаза... Он терпеливо дождался, когда боец закончит осмотр кухни, и покачал головой.

– Проверь-ка еще раз, Олег, нужно быть уверенным до конца.

– Есть, товарищ майор, – откликнулся рубоповец.

Роман издевательски хмыкнул: он был уверен в юридиче-

ской чистоте своей кухни на сто пятьдесят процентов.

И снова боец пошел шарить по всем полкам, и снова особое внимание уделил банке из-под чая, и снова ничего не обнаружил.

Макарыч бросил косой взгляд на священника и Катерину. когда он вошел в кухню, здесь сидели только они... И отец Василий подумал, что, если бы он вчера не крестил Саньку, его бы уже пару раз обыскали, ну, и Катьку заодно...

– Я чего-то не понял, чего вы ищете? – простодушно поинтересовался Якубов. – Если пулемет, так я его в гараже обычно держу; а если кокаин, то вам лучше прямо в магазин на Кирова пожаловать, там его в мешках из-под сахара до едрени фени... Ну, а если вы просто проголодались, так скажите, я вас покормлю. – Он повернулся в сторону дверей и крикнул: – Евгения! У нас там суп вчерашний оставался! Ты бы предложила непрошеным гостям!

Макарыч побагровел.

– Так, – не считая нужным отвечать на выпад, хрипло выдалвил он. – Шемякин, останешься здесь, а мы пройдем по остальным комнатам.

Он видел, что ситуация развивается неправильно, не по плану, но вызвать к себе и устроить разборки оказавшему ему «оперативную помощь» якубовскому охраннику или даже просто спросить: «Где „это“, твою мать, лежит?» – не мог. И поэтому помчался обыскивать весь дом в тщетной надежде, что пакет с героином по ошибке положили в другое ме-

сто.

Отец Василий посидел для приличия еще немного, но потом решил, что с него на сегодня хватит. И так Роман Григорьевич нет-нет, да и кидал в его сторону волчьи взгляды, словно именно православный священник и виноват во всем этом беспределе.

– Пожалуй, я пойду, – сказал он, когда Роман переместился вслед за Макарычем и бойцами в другие комнаты, а на кухне появилась мать Кати, тихая, молчаливая женщина. – Здесь, как я вижу, и без меня проблем хватает.

– Я с вами! – уцепилась за рукав Катерина. – Можно, ма?

Отец Василий чуть не поперхнулся – так быстро она это за него решила.

– Конечно, доча, если батюшка не против, – вздохнула Катина мама. – В такое время лучше быть отсюда подальше... Вы не против, батюшка? – подняла она на священника полные материнской надежды глаза.

– Не против, – буркнул отец Василий.

Они поднялись, прошли мимо утирающего с лица кровь здоровенного охранника, затем мимо стоящего на выходе бойца РУБОПа... Тот поначалу хотел их задержать, но, разглядев, что это всего лишь отец Василий да молодая девка, подумал и пропустил. Они вышли во двор, быстро пересекли открытое пространство огромного, стриженного под модный в этой среде «ежик» газона и с облегчением вырвались на спокойную, немного пыльную и ленивую «шанхайскую»

улочку.

– Подождите, батюшка, я сейчас, – приостановилась Катерина возле милицейского «уазика», воровато оглядевшись, залезла рукой под юбку и швырнула в открытое по летнему времени окошко пустой ментовской машины набитый белым порошком пакет.

– Ты что делаешь?! – шепотом возмутился отец Василий.

– А что мне его, по всему городу с собой таскать? – резонно возразила девушка. – И в храм к вам я его не понесу! Кто привез, тот пусть и увозит!

Священник хотел возразить, но не нашелся. По большому счету, Катя поступила правильно: кто сюда эту гадость привез, тот с ней пусть и разбирается. И, лишь отъехав от дома с полкилометра, отец Василий с горечью осознал, что теперь Макарыч, буде он отыщет в своей машине этот пакет, а он его обязательно отыщет, начнет прочно связывать свой позорный профессиональный провал со священником и дочкой мафиози.

* * *

Он как в воду глядел! Потому что Андрей Макарович Пасюк прибыл вслед за ним в храм ровно через один час сорок минут.

– Батюшка! – прямо с порога бухгалтерии сурово поинтересовался он. – Вы ничего из якубовского дома не выноси-

ли?

– Упаси бог! – совершенно искренне возмутился священник.

Андрей Макарович внимательно посмотрел ему в глаза и... поверил. Сразу. Сказался-таки ментовской опыт.

– А эта девка... ну, дочка Якубовская, вы не видели, она ничего не выносила?

– Отрицать не стану, – энергично начал отец Василий и сразу увидел охотничий блеск в милицейских глазах. – Могла вынести. Но понимаете, я ведь только перед вашим приездом пришел, всего не видел...

– Но вышли-то вы вместе!!! – заорал, на глазах теряя благопристойность, Макарыч.

– Я первым вышел, она меня чуть позже нагнала, уже у дверей, ну, там, где ваш человек стоял... – чистую правду сказал священник и с самым невинным видом добавил: – Мог и не углядеть. А что, пропало что-то?

Макарыч заскрежетал зубами. Он не мог сказать, что сам и поручил якубовскому охраннику оставить пакет с белым порошком в удобном для обнаружения месте. Как не мог сказать и того, что после окончания обыска обнаружил онный в своей служебной машине: это попа не касалось.

– Пропало... – пробурчал он. – А где эта девка сейчас?

– У меня дома вместе с Олюшкой ужинает, они только что звонили, – сообщил отец Василий. – Но вы знаете, туда путь рядом со Студенкой лежит, что угодно можно скинуть, да

так, что и не найдешь, там течение быстрое...

Макарыч густо покраснел. Он ясно понял, что эту фазу своей битвы с организованной преступностью проиграл. Потому что идти в дом священника и на глазах у попадьи пытаться что-нибудь втиснуть в руки дочери мафиози было бы «перебором». И вообще, поздновато спохватился, ее надо было на выходе брать, прямо с пакетом... А теперь уже ничего не вернешь.

— Да, вы правы, наверное, она давно все скинула, — печально согласился он, вывалился за дверь и вразвалочку, медленной походкой бесконечно усталого человека побрел прочь.

* * *

Санька провалялся в больнице еще три дня. Все это время Катерина бегала за отцом Василием хвостиком, особенно после того, как сходила к Саньке и узнала сначала от него, а затем и от врачей, кто именно притащил ее раненого, истекающего кровью возлюбленного в больницу. Понятное дело, что ни Санька, ни отец Василий ни словом не обмолвились об истинном виновнике происшествия и все валили на случайно подвернувшееся на пути хулиганье.

Но для Катерины и это оказалось достаточным потрясением. Она съездила домой, наплела отцу с три короба и осталась то ли при храме, то ли при больнице — отец Василий так и не понял. Она старательно, по два раза в день мыла в

храме полы, нахально отбирая это право у взявшей на себя этот обет прихожанки преклонного возраста. Она без тени смущения подметала храмовый двор и без того начисто, почти до блеска выметенный сторожем и по совместительству дворником Николаем Петровичем. И, естественно, в обязательном порядке съездив отметитья домой, она ходила вместе с отцом Василием в больницу, привлекая к себе всеобщее внимание, особенно мужской половины болящих и врачей...

А в общем, сделал вывод отец Василий, на самом деле нахаживая на летних каникулах девятнадцатилетняя второкурсница филфака остро нуждалась в каком-нибудь занятии, способном придать новый смысл ее существованию: замужество, работа... хоть что-нибудь. Но он эти мысли держал при себе.

Отец Василий даже подумал, что, родись она десятью годами раньше, пусть и в той же самой семье, из этой девушки, скорее всего, получилась бы великолепная подборщица на птицефабрике: внимательная, хваткая, аккуратная. Поработала бы пару годиков, вышла замуж, потом ушла бы в декретный и теперь жила бы с тремя детьми и безработным мужем из слесарей в какой-нибудь типовой фабричной пятиэтажке...

Почему именно так? Да хотя бы потому, что десять лет назад ее, надо признать, довольно заботливый папа ни за что не поднялся бы так высоко и в коротких промежутках между

отсидками думал бы только об одном: как поскорее выпихнуть на глазах взрослеющую дочь из догнивающего барака на краю усть-кудеярского «Шанхая».

Но карта судьбы легла иначе, и отец Василий даже и не знал, что было бы для Катерины лучше...

* * *

Когда Саньку, благодаря его упорству, если не сказать упертости, выпустили-таки из больницы, Катерины в храме не было: она ушла в дом священника помочь Ольге по хозяйству. Не сказать, чтобы попадья не могла управиться сама, но Катьку как магнитом тянуло потетешкаться с маленьким Мишанькой, ну и вообще как-то поучаствовать в таинстве, называемом «жизнь молодой семьи».

– Тогда я сейчас в общагу смотаюсь, – немного расстроился державший руку на перевязи Санька. – А к девяти на дежурке за ней приеду.

– Ты мне лучше скажи, что ты собираешься со своей будущей семьей делать? – полюбопытствовал отец Василий.

– А ничего! – с деланным равнодушием отмахнулся Санька. – Сережи этого в городе нет, я справки навел; а у Романа, как мне сказали, сейчас проблемы, даже дома не появляется.

– Не пускай этого дела на самотек, – от души посоветовал отец Василий. – Взялся – доводи до конца.

– А я и сам так решил, – кивнул Санька. – Сегодня же ей

и расскажу, что все знаю.

– И про Сережу?

– Нет, что вы! – решительно замотал головой Санька. – Это наши с ним дела, там я сам все отрегулирую.

Священник одобрительно хмыкнул: лейтенант знал, что делает, и шел к своей цели уверенно и прямо.

* * *

Катерина прибежала в храм к половине восьмого. Она терпеливо дождалась, когда отец Василий закончит свои служебные хлопоты, и подошла.

– Вам ничего не надо сделать, батюшка? А то я в больницу хочу сбегать.

– В больницу можешь идти прямо сейчас, – улыбнулся священник. – Но только Саньки там уже нет, и он велел тебе дожидаться его здесь.

– Отпустили?! – взвизгнула Катька. – Вот класс!

– Он приедет за тобой в девять.

– За мной? – оторопела Катька, и священник прикусил язык: все-таки некоторые вещи Санька должен сказать сам.

– По крайней мере, он так сказал, – решительно подвел он черту под разговором, показывая, что более их личные дела обсуждать не намерен.

Отец Василий пока еще не мог в этом себе признаться, но, пожалуй, он относился к этой очаровательной молодой паре

с пристрастием, так, словно и впрямь они в чем-то повторяли их с Олюшкой молодость.

– Лучше пошли пить чай, – примирительно покачал он головой. – Все ж время быстрее пройдет...

* * *

Они засели в бухгалтерии и честно прождали Саньку до девяти. Естественно, что чая набулькались «до верхней риски», и в конце концов Катерина забеспокоилась. Отец Василий утешал ее как мог и, когда во дворе раздались-таки тяжелые шаги, с облегчением понял, что все завершилось и сейчас он отправится к своему семейству, а это, молодое, предоставит самому себе.

Открылась дверь, и он понимающе улыбнулся Катерине. И в тот же миг понял: что-то не так. Потому что в Катиных глазах застыл ужас. И, само собой, она смотрела не на него, а на кого-то сзади, в дверях...

«Роман! – успел подумать отец Василий. – Кто же еще?! Ну вот, мне еще семейных разборок...»

– Тихо, поп! – прохрипел кто-то сзади, и его шею захлестнула удавка. – Шевельнешься – кранты!

Его стремительно оттащили назад и уложили спиной на стол. Священник мгновенно оценил положение и понял, что оно не в его пользу: не вывернешься, просто не успеешь.

Катерина протестующе замычала, и отец Василий скосил

глаза: ей уже заламывали руки назад и заклеивали рот скотчем два парня: один – сухой и проворный, с седым пятном на коротко остриженном затылке и второй – со сломанным носом, плотный и явно очень сильный. В тусклом, идущем от фонарей с улицы освещении запомнить все черты он просто не успевал.

– Лежать, сука! – ударили его кулаком в лоб и натянули удавку сильнее.

Священник собрался, ухватился руками за края тросика, в один миг, рывком подтянул ноги к животу и кувыркнулся назад.

Все вышло точно так, как надо. Он сшиб душителя ногами и, с трудом удерживая тросик на расстоянии от горла, придавил бандита всей своей массой. И в этот миг его ударили по голове. Священник шарахнулся в сторону и моментально получил второй удар.

* * *

Когда он очнулся, свет в бухгалтерии горел. Очень болела голова. С трудом сохраняя равновесие, отец Василий приподнялся и сел на полу. И сразу закашлялся. Горло тоже болело. Он огляделся: Катерины не было.

Священник перевернулся, встал на четвереньки и медленно, едва удерживая постоянно уплывающее сознание, оперся об стол и поднялся на ноги. Перед глазамиплыли разно-

цветные пятна. «Уберег, называется! – с горечью подумал он. – Господи! Прости меня, дурака!» И тут же увидел этот листок.

Он лежал прямо на середине стола. На желтом от времени, вырванном из канцелярской книги линованном листке размашистым почерком было написано: «Передай Роману». И чуть ниже... священник наклонился, в глазах плыло, прочитал: «Рома... – и еще ниже: – Дочка твоя в надежном месте. Гатовь бабки. 100 штук хватит».

«Сто тысяч чего – долларов?» – попробовал сообразить священник и прочитал приписку: «Севодня на мосту через овраг в 2 часа. Паложиш возле среднева столба».

Там, на мосту через овраг, действительно был столб, стоящий ровно посередине.

Священник застонал и осел на стул. Кровь медленно, капля за каплей, падала с пряди на лбу вниз, на крашенный коричнево-красной масляной краской дощатый пол.

* * *

Так вляпаться это надо уметь! Предоставить девчонке убежище и не убережь... Отец Василий с ужасом представлял себе, как будет сообщать эту новость отцу Катерины, и все больше и больше понимал, сколь чудовищна, сколь немыслима вся эта ситуация. Священник собрал все свои силы в кулак, сгреб записку со стола, поднялся и глянул на ча-

сы: 21.20. Саньки все нет. И что бы он сам по этому поводу ни думал, но звонить в милицию надо.

Он с трудом пробрел через всю бухгалтерию к телефону, поднял трубку и приостановился. «А что, если все-таки найти Саньку? К „своим“ отношение всегда более вдумчивое. А мне сейчас проколы ни к чему».

Он набрал 02, представился и как можно более спокойным голосом спросил, как найти рубоповцев.

– А вам кого, батюшка? Андрея Макаровича? – заботливо поинтересовался дежурный.

– Я, вообще-то, лейтенанта Мальцева ищу.

– А-а, Саньку! – чувствовалось, что дежурный улыбнулся. – Так он, наверное, в общаге сейчас, адресок запишите...

Отец Василий трясущимися пальцами схватил со стола карандаш и, ломая грифель, записал название улицы и номер дома. Судя по номеру, это был район набережной. Затем он приложил к записке линейку и оторвал две верхние строки, там, где было написано: «Передай Роману» и «Рома». Он помнил последний контакт Якубова и Андрея Макаровича и понимал, что эта информация была в данный момент излишней.

* * *

Санька Мальцев жил в двухэтажном милицейском общежитии и действительно неподалеку от Волги. Отец Василий

остановил своего «жигуленка» у самого подъезда и рванулся внутрь. «Лишь бы он оказался на месте! – мысленно взмолился он. – Лишь бы просто опоздал...»

– Куда?! – жестко остановил его вахтер и оторопел. – Господи, батюшка! Что с вами?! Вы весь в крови!

– Мне Мальцев нужен! Срочно! – выдохнул священник и упал в пластмассовое кресло у стола.

– Санька? Щас вызову! Посидите здесь! – кинулся вахтер на второй этаж, но тут же остановил за рукав сбегавшего вниз молодого парнишку в камуфляже. – Саньку на вахту! Срочно!

Парнишка кинул тревожный взгляд на окровавленного священника и снова помчался вверх по лестнице.

– Подождите, батюшка! У меня аптечка есть! – начал выдвигать ящики старого, обшарпанного стола вахтер. – Кто это вас так?

– Это неважно, – отмахнулся священник и приподнялся. По лестнице уже торопливо сбегал Санька в трико, майке и с широкой полотняной перевязью через плечо, в которой покоилась раненая рука.

– Извините, меня задержали... – начал он, еще не добежав до стола, и вдруг увидел кровь на лице священника. – Что стряслось? Кто это вас?! Где Катерина?

– Читай! – выдохнул священник и сунул ему в руки записку.

– Что это? – не понял поначалу Санька, но прочитал за-

писку и стиснул зубы. – Записка отцу? – сразу вник он в суть дела.

– Да.

Отец Василий вытащил из кармана оторванные две строчки и протянул их Саньке. Тот прочитал, тряхнул головой, снова прочитал... вернул обрывок, взлохматил волосы и отошел к окну. Мимо пробежали молодые ребята в новенькой то серой, то пятнистой униформе, настороженно переводил взгляд со священника на лейтенанта вахтер... И, наконец, лейтенант повернулся.

– Макарыч начнет тянуть, – глухо произнес он. – Как пить дать, начнет! Пока всю кровь не выпьет. У них с Ромой старые счета...

– Это еще не все, – дернул кадыком отец Василий. – Я тебе рассказать не успел: Макарыч с обыском был у Романа и ничего не нашел. Я думаю, теперь злой, как...

На язык так и просилось «черт», но он удержался, не сказал.

– А тянуть нельзя! – словно провел черту Санька и напряженно посмотрел священнику в глаза. – Вы сможете молчать? Только не как со мной! Насмерть!

– Я-то смогу, – вздохнул отец Василий. – Ты-то как...

– Я разведу. Ладно. Приводите себя в порядок, а я пока Макарычу позвоню. Только вы ему – ни слова. На меня все валите.

Отец Василий молча повернулся и пошел вслед за про-

мчавшимся в умывальник молодым милиционером. Он понимал, как тяжело сейчас придется Саньке, потому что то, что он сейчас собирается сделать, иначе как «должностное преступление» и назвать-то было нельзя.

* * *

Пасюк прибыл в общежитие через четверть часа. А вслед за ним, один за другим, начали приезжать и остальные рубоповцы. Весть о том, что Санькину невесту похитили и требуют выкупа, распространилась моментально и произвела настоящий шок. Такой наглости рубоповцы не ожидали.

– Так, отец Василий, давайте по порядку, – нервно поглядывая на часы, продолжил допрос Андрей Макарович. – Что они вам сказали?

– «Тихо, поп! Шевельнешься, кранты!» – повторил врезавшуюся в память угрозу священник. – А потом: «Лежать, сука!»

– И все?

– И все.

Макарыч почесал в затылке и еще раз перечитал текст.

– А это ведь не тебе записка, – повернулся он к Саньке. – Ты сам-то хоть это понимаешь?

Санька неопределенно пожал плечами.

– Чертовщина какая-то! – с неудовольствием крикнул Макарыч. – Ничего не понимаю! Батюшка, я вижу здесь над-

рыв... Вы точно ничего от текста не отрывали?

Отец Василий сделал стеклянные глаза.

– Единственное, что я могу вам сказать, они знали, что делают, – произнес он. – И приметы я запомнил.

– Ну-ка, ну-ка, какие? – воспрянул Макарыч.

– Один плотный, со сломанным носом, а у тощего на затылке было седое пятно.

Рубоповцы переглянулись.

– Мама родная! – аж присел Макарыч. – Пятно?! Неужели Жираф?! Полтора месяца ведь на дне лежал! – Он резко повернулся к Саньке. – Теперь все понятно! Точно по твою душу! И бабки эти так приписаны, для отмазки! Вот гадина!

Стоящий рядом Санька напрягся. Но только отец Василий понимал, как трудно ему сейчас.

– Ладно, – махнул рукой Макарыч и повернулся к своему заместителю – молчаливому, загорелому капитану со шрамом через все лицо. – Вася, я поехал в управление, буду через час. А ты пока машины заправь и ребят снаряди...

– А наряд?

– Будет тебе наряд! Ты думаешь, зачем я в управление еду? – разозлился Макарыч. – Ты молись, чтоб они вообще за деньгами приехали!

Капитан понимающе кивнул.

Судя по всему, этот Жираф был у рубоповцев на особом счету. По крайней мере, то, какой тревогой наполнилось лицо Макарыча, когда он услышал про седое пятно на затылке похитителя, говорило о многом. Единственное, что привело Пасюка в совершенное замешательство, было использование удавки; как понял из реплик отец Василий, в маленьком, провинциальном Усть-Кудеяре этим приемом не пользовался никто. Вообще никто! За всю уголовную историю города.

Андрей Макарович стремительно уехал в управление, а спустя час экипированные, разбухшие от бронежилетов, обвешанные боеприпасами бойцы погрузились в машины и направились к мосту через овраг. До назначенного похитителями времени оставалось более четырех часов, но именно это и позволяло хорошо подготовиться.

По личной просьбе Макарыча, сразу с начала операции расположенные на въезде в город посты ГИБДД начали фиксировать все проходящие на Усть-Кудеяр машины. Сейчас, после десяти вечера, когда транспортный поток резко снизился, это было несложно. Если бандитская база расположена за городом, то позже, пойди что не так, это могло облегчить преследование.

– Слышь, Макарыч, а правду говорят, невесту рубоповца похитили? – прохрипел в рацию главный гаишник городка

Ираклий Константинович.

– Ты бы, Ираклий, поменьше об этом трындел, нам работать было бы легче, – покосился в сторону напряженно сидящего рядом Саньки Пасюк.

– Ладно, извини, я просто так спросил, – с легким кавказским акцентом повинулся главный гаишник.

– Ты лучше вот что мне скажи, твои патрульные с оружием стоят?

– А то ты не знаешь? – обиделся гаишник. – С самой весны не расстаются, как вышел этот приказ...

– Ладно, отбой связи...

* * *

Затем пошла конкретная подготовка к задержанию. Две машины с бойцами поставили прямо под мостом, ближе к выезду, с одной и с другой стороны. Одну оставили в гараже РОВД на случай непредвиденного вызова. А в старый «жигуленок» отца Василия сели Санька и Макарыч.

– Я с ребятами лучше, товарищ майор, – начал угрюмо отказываться Санька.

– Со мной поедешь! – резко оборвал его начальник. – Чтобы дров не наломал! И вообще, ты еще на больничном!

Санька вздохнул и подчинился. Отец Василий поставил свою машину за заправкой, и потянулись часы ожидания: один, второй... Молчать было тяжело, но говорить еще тя-

желее, и поэтому всем им легчало, когда кто-нибудь выходил на Макарыча по рации. Но ближе к ночи это происходило все реже. И только к часу словно что-то изменилось в воздухе, и все трое ощутили гнетущее, быстро нарастающее напряжение.

– Теперь, Олежка, смотри в оба! – распорядился по рации Макарыч. – Если это Жираф, он точно проверку сделает! Или здесь, или там. Если уже, гад, не сделал!

Санька нервно сглотнул: ждать становилось все труднее.

* * *

Макарыч как в воду глядел. За сорок минут до двух часов ночи РОВД получило срочный и очень важный вызов в ресторан «Волга». Естественно, ложный. Жираф проверял, чем заняты рубоповцы. Оставленная «на дежурстве» машина с Олегом Шемякиным во главе выехала на место, причем ребята отчитались по рации, что старались шуметь вовсю, так, чтобы присутствие РУБОПа ощущалось всеми в радиусе двухсот метров.

А за пять минут до двух часов ночи отец Василий подъехал к среднему столбу на мосту через овраг, вышел и положил целлофановый пакет с десятком «кукол». Пару секунд он еще потоптался на месте, как бы недоумевая, как можно оставлять такую огромную сумму без должного присмотра, а потом сел за руль и поехал прочь. Съехал с моста, свернул

на одну из боковых улочек и остановился. Теперь оставалось только ждать.

– Черный «Мерседес» номер... – начал диктовать по радиации наблюдатель. – Нет, мимо... светлый «Опель»... Есть! Идет на север! Макарыч, пиши номер!

– Ираклий! – тут же вышел на соединяющую его с дорожным патрулем параллельную радиацию Макарыч. – Белый «Опель»! Пиши номер!.. Маслаков, пошел!

– Пусти меня, батюшка! – вцепился здоровой рукой в руль поповского «жигуленка» Санька.

Эту машину не предполагалось задействовать, но напряжение было слишком велико.

– Сиди уж, – отмахнулся священник. – Я свою ласточку лучше знаю...

– Пусти! – резко придвинулся с пассажирского кресла Санька, и священник понял, как прав был Макарыч, что взял молодого лейтенанта с собой, а не оставил там, в гуще событий.

– Сиди, Санька! – рывкнул Макарыч.

И в этот момент по глазам ударил свет фар.

– Макарыч! – прохрипела радиация. – Он к вам пошел!

Отец Василий тронул машину с места и, не слушая, что там кричит ему Макарыч, пошел навстречу «Опелю», лоб в лоб, и лишь за несколько метров до столкновения резко вывернул баранку влево.

Наверное, их хранил господь: «Опель» саданул «жигуль» в багажник, их подкинуло, развернуло, и спустя доли секунды Санька уже вылетел из кабины, а еще спустя секунду или две вытаскивал из-за руля иномарки ошарашенного курьера.

– Убью суку! – беспрерывно орал он. – Лежать!!! Руки за голову! Лежать, я сказал!!!

Из машины вывалился и потирающий лоб Макарыч и сразу же включился в процесс.

– Мальцев! В сторону! В сторону, я сказал!

– Убью гада! – все так же безостановочно орал Санька, пиная задержанного тяжелыми армейскими ботинками в лицо. – Где будет передача денег?! Быстро! Где?!

– Прекратить, Мальцев! – отбросил его в сторону Макарыч и схватил курьера за ворот. – Где передача денег?!

– На выезде! – прохрипел окровавленный, отчаянно прикрывающий голову разбитыми пальцами курьер.

– Поехали! – рывкнул Макарыч и рывком поставил курьера на ноги. – Быстро за руль! Мальцев, на заднее сиденье!

В считанные секунды они погрузились в побитый «Опель», и курьер, подчиняясь угрозе немедленной расправы и все еще находясь в шоке, принялся заводить заглохшую машину. Отец Василий несколько раз вдохнул и выдохнул воздух, оценил нанесенный себе ущерб и тоже сел за руль.

Сердце отчаянно колотилось.

* * *

К месту передачи денег они добирались минут десять. «Опель» впереди, отец Василий на своем «жигуленке» метров на триста сзади. Но все произошло настолько быстро, что он даже не успел прийти в себя, когда заметил позади новенький черный «Мерседес». «Что-то там говорили про „мерс“, – припомнил священник. – Уж не сопровождение ли? Один берет деньги, второй наблюдает...» Он поднял оставленную Санькой на сиденье рацию.

– Макарыч, тут позади меня «Мерседес» идет... Прием. Рация хрипло матюгнулась.

– Уже вижу. Лажанулись мы с ним, пропустили... Маслаков, ты видишь?

– Вижу, Макарыч. Это тот самый, что перед «Опелем» прошел. Ираклий сказал, они вместе с Софиевской трассы пришли. Что делать будем?

Отец Василий понимал, что происходит. В «Мерседесе» наверняка сидит человек с мобильником, и, пойдя что не так, никто на передачу денег не явится. Хорошо еще, если маневр курьера внутри квартала был предусмотрен планом; из «Мерседеса» могли просто не заметить, что проезд занял на полминуты больше расчетного времени. А могли и заметить.

– У них встреча на заправке. На Софиевской трассе. Ведем дотуда. Начнет отрываться или уходить в сторону, бери их.

– Понял, – отозвался Маслаков. – Если что, буду брать.

Рация смолкла, и в салоне «Жигулей» снова воцарилась тишина, слышался лишь ровный шум двигателя да дребезжание помятой задней дверцы. Хуже всего, если в «Мерседесе» уже заподозрили неладное и сообщили Жирафу, что в деле появились менты. Тогда Катерина может и живой-то не выйти.

Отец Василий поморщился: местной милиции не хватало нормального профессионализма. С этим ничего не поделаешь: опыт из ничего не получается, а райцентр – это не Москва и даже не область, где его возьмешь, этот опыт, но сейчас за малейшую ошибку рубоповцев мог ответить ни в чем не повинный человек – Катька.

На подходе к заправке «Мерседес» пошел в отрыв. Он легко обогнал старенький «жигуль» и поравнялся с курьерским «Опелем». Отец Василий видел, как ровненько, бок о бок идут две машины. «В окно деньги передаст! – подумал он. – Хитро задумано!» И в ту же секунду от «Опеля» протянулась рука с пакетом.

– Маслаков, пошел! – хрипло скомандовал Макарыч, и в тот же миг прятавшийся за поповским «жигуленком» «УАЗ» пошел на обгон.

– Ираклий! Тормози черный «Мерседес» на Софиев-

ской! – хрипло орала рация голосом Макарыча. – Мои не успевают!

– Сделаем! – самонадеянно отозвался начальник дорожно-патрульной службы.

«Все равно не успеют! – понял отец Василий. – И патруль их не остановит! Разве что расстреляют в упор, что вряд ли...»

Здесь был один вариант, но думать о нем не хотелось.

– Слышь, Макарыч! – крикнул он в рацию. – Их можно по дамбе обойти!

– Что ты несешь?! – зло откликнулся тот. – Как это по дамбе?!

И в тот же миг отец Василий понял: совет бесполезен. Идущие далеко впереди него милицейские машины уже проскочили поворот на Татарскую слободу. «Господи, помоги!» – взмолился священник и свернул на Татарскую слободу сам.

Еще мальчишкой он исследовал эту дамбу вдоль и поперек и знал: если вода стоит невысоко, легковушка по ней проскочит; сам видел, как два или три раза проходили по ней местные лихачи. И, даже невзирая на изрядную потерю в скорости, можно было сократить путь на Софиевский пост ГИБДД километров на пять. «Лишь бы они и впрямь на Софиевскую шли!» – успел подумать он, вывернул руль и, подняв тучу брызг, врезался передком в воду.

Машина шла легко: паводок давно сошел, и воды было

немного. Но уже через полминуты она все-таки начала сочиться сквозь прогнивший пол, заливая коврики и тревожно хлюпая под ногами.

Там, впереди, светился огнями его дом, и священник вспомнил, что так и не позвонил жене... «Ох, и достанется мне сегодня! – горько подумал он. – И поделом!» Олюшка не возражала против поздних возвращений своего мужа, если они прямо касаются церковных дел. А положила руку на сердце, он не смог бы с честными глазами сказать, что то, чем он сейчас занимается, хоть как-то связано с церковью.

Машина выскочила на берег, и священник, переключив передачу, промчался мимо собственного дома и вылетел на трассу у самого поста.

«Мерседес» уже приближался, оставив далеко позади и оккупированный Макарычем «Опель», и тем более тяжело груженный экипированными рубоповцами «УАЗ». На дороге выскочили двое постовых с автоматами, но остановить «Мерседес» им было просто нечем, разве что расстрелять.

«Прости меня, ласточка!» – вздохнул священник, вывернул на трассу и пошел прямо перед «Мерседесом», напрочь перегородив путь большой черной машине битым задком своих «Жигулей».

«Мерседес» попытался его обойти, но отец Василий резко вильнул влево и снова перекрыл полосу. «Мерс» отчаянно засигналил и все-таки сбросил скорость. А в следующий миг он уже попытался обойти белый поповский «жигуль» справа

– с тем же результатом... И тогда «Мерседес» резко съехал на обочину и пошел по самому краю, оставляя далеко за собой всех: и милицию, и священника, и патрульную службу.

* * *

Отец Василий давно подметил это особенное, никак не похожее на простую случайность вмешательство божественного провидения. «Мерседес» уже торжествовал заслуженную победу, когда на его пути попался дорожный знак. Водитель попытался вывернуть и все-таки зацепил... чуть-чуть, самым краем. Но на такой скорости этого хватило. Машину подбросило, развернуло и аккуратно положило на бок.

Священник остановился рядом, быстро перекрестился и выскочил наружу: человека могло придавить. Путаясь в полях рясы, он подбежал к большой черной машине со стороны лобового стекла и взгляделся. Водитель шевелился.

– Слава тебе, господи! Не позволил дойти до греха! – перекрестился священник, в два удара вышиб стекло ногой и вытащил водителя на дорогу.

А рядом уже тормозили, кричали, выскакивали из машин камуфлированные рубоповцы.

– В сторону, поп! Ид-ди сюда, гнида!

Водителя стремительно перетаскили в свет фар, несколько раз пнули и начали допрашивать.

– Куда ехал?!

– Я ничего не знаю, – слабым голосом отмазывался водитель. – Я ни в чем не виноват!

– Лохам будешь лапшу на уши вешать! – последовал тычок в челюсть. – Где Жираф?!

– Я не знаю никакого Жирафа!

– Слышь, Макарыч, он по-людски не понимает!

– Значит, по-простому с ним поговори!

Водителя подняли за руки и ноги и, тщательно оберегая голову от удара, швырнули спиной об асфальт. Тот задохнулся.

– Где Жираф?! Так... Еще раз! – Я скажу! – кашляя и задыхаясь от боли, прорыдал водитель. – На элеваторе он!

– Каком элеваторе?!

– Софиевском...

– Ну, вот это другой разговор. Что ты ему сказал?

– Сказал, все нормально...

– Так, подымай его...

– Не надо! Я сказал... я сказал... менты на хвосте... Не знаю, уйду или нет...

Ему было очень плохо.

Макарыч кинул взгляд на «Мерседес».

– Маслаков! Попробуй на колеса поставить.

– Есть!

Рубоповцы облепили огромную машину и в один прием поставили ее на колеса.

– Санька! – подозвал Мальцева Макарыч. – Ты на «Опеле»

поедешь сзади. Я на «Мерсе»... А ты, Маслаков, на месте сориентируешься. Но в пределах видимости не появляйся!

– Понял, Андрей Макарыч!

– Все! По машинам!

* * *

Они так и пошли, машина за машиной. Впереди помятый «Мерседес», затем «Опель», за ним «уазик» с бойцами РУ-БОПа, а уже позади всех отец Василий на своем «жигуленке».

От поста дорожного патруля до так и не достроенного софиевского элеватора было недалеко, меньше получаса езды. Но главная проблема была не в этом. Сейчас все решалось не столько скоростью работы рубоповцев, сколько тем, какое решение примет Жираф, узнав, что на хвосте у его человека висят менты.

«Господи, – просил священник. – Помоги Катеньке остаться в живых и успеть понять всю глубину твоего завета! Помоги и всем этим людям осознать все значение твоих слов!»

Он видел, насколько иные стандарты впитали, что называется, с молоком матери и Макарыч, и Санька, и все остальные. Непротивление злу насилием так и оставалось для них пустым лозунгом, за которым ничего не стоит. И помочь им понять, что даже до самого злого человека можно донести

свет Истины, было крайне сложной задачей. Они словно жили в ином мире, по устаревшим две тысячи лет назад канонам, где ответом на удар может быть только удар.

Но точно такие же взгляды исповедовала и другая сторона. И столкновение этих отзеркаленных сил выходило очень жестким.

Вскоре впереди показались две башни софиевского элеватора, и отец Василий сбросил скорость и, пристроившись за рубоповским «уазиком», съехал с трассы на грунтовку и въехал в небольшую лесополосу, почти вплотную примыкающую к элеватору. Он уже потерял из виду и «Опель», и «Мерседес», но знал: обе машины прямо сейчас, нисколько не скрываясь, едут к элеватору, чтобы хитростью или еще как попытаться войти в прямой контакт с Жирафом и его братвой. Это был самый прямой путь. А на случай «кривого» и стоял в пыльных зарослях мелколистого вяза выпускающий из своей утробы рубоповцев, одного за другим, вместительный «УАЗ».

Священник бесшумно вышел из машины, так же бесшумно прикрыл дверцу и прислушался. Вокруг было тихо: только треск мелких сучьев под ногами бойцов да далекий свист тепловоза.

– Куда?! – прошипел ему Маслаков, и священник сделал ему успокаивающий жест рукой, мол, все в порядке, от меня неприятностей не ждите.

Рубоповцы рассредоточились по самому обрезу лесополо-

сы и залегли. Отсюда было прекрасно видно, как возле самого элеватора, неподалеку от башни, так и стоят с непогашенными фарами обе подъехавшие машины, но что там происходит, никто не знал.

– Макарыч, я на месте, – тихо повторял в рацию Маслаков. – Что там у вас происходит? Макарыч...

Рация что-то тихо скрипнула в ответ.

– Понял, – так же тихо ответил Маслаков. – Жду.

На этом элеваторе отец Василий бывал дважды: один раз, когда освящал строительство после трагической гибели двух рабочих, а второй, скажем так, по личным делам, он не очень любил это вспоминать. Но одно он знал точно: если Жираф засел в башне, то оттуда есть только два выхода...

Священник тихо переместился к Маслакову.

– Что вам здесь надо, батюшка? – раздраженно спросил рубоповец. – Ехали бы себе домой.

– Не могу, дорогой мой, никак не могу, – покачал головой священник. – Здесь моя прихожанка. А если хочешь знать, как здесь все устроено, то слушай...

Маслаков слушал внимательно. Он несколько раз уточнял не до конца понятые детали, а потом с явным облегчением вздохнул и хлопнул по плечу лежащего рядом бойца.

– Женя, слушай, с той стороны лестница железная есть; там второй выход. Возьми двоих и быстро туда!

– Понял, – так же тихо откликнулся Женя и бесшумно скользнул в темноту.

– Что там случилось? – поинтересовался священник.

– Жираф никого не подпускает. Даже своих. Осторожный, сволочь! Не верит, что курьеры «хвост» не притащили, все чего-то выжидает...

– Чего? – недоуменно спросил отец Василий. – Чего здесь можно ждать? Или ты веришь, или ты не веришь! Вот и поступай соответственно...

– Сам не пойму! – крикнул Маслаков. – Что-то здесь нечисто! Чертовщина какая-то!

За этот день собеседники отца Василия помянули нечистого уже второй раз. Это было дурное предзнаменование. Священник вздохнул и вознамерился отойти в сторонку, чтобы не отвлекать человека от работы, и в этот момент со стороны трассы замелькали фары.

– Что это? – удивился он.

– Вот зар-паза! – ругнулся Маслаков. – Так я и знал, что эта сволочь кого-то на подмогу ждет! – И поднес рацию ко рту: – Макарыч! К вам гости!

– Вижу, – проскрипела в ответ рация. – Вы готовы?

– Да.

– Давай к нам. Кажется, будет жарко.

Маслаков от души матюгнулся и хрипло скомандовал:

– К бою!

Бойцы защелкали вставляемыми в автоматы магазинами.

– Женья! – жарко заговорил в рацию Маслаков. – Быстро к нам! Быстро, я сказал! Да! Бросай эту лестницу к такой

матери!

«Ах, напрасно», – покачал головой священник. Маслакову опять-таки не хватало опыта. Запросто могло случиться так, что в то время, как рубоповцы перетасчат все свои силы к машинам, в самую гущу боя, Жираф уйдет с тыльной стороны элеватора. Но ничего с этим поделать отец Василий не мог – здесь командовали другие.

– Вперед! – громко скомандовал Маслаков.

Рубоповцы выползли из лесополосы и быстро, почти бесшумно, по-пластунски, двинулись вперед выручать попавших меж двух огней Саньку и Макарыча. То, что это едет огневая поддержка для Жирафа, было ясно как божий день. А отец Василий стоял под прикрытием вязовых веток и тихо молился, чтобы господь отвел пули и позволил этим людям все-таки успеть познать Истину. Ибо горше всего было ему видеть, как человек передает свою душу наверх в состоянии ярости и недоумения, так и не осознав, сколь великое таинство совершается над ним в этот момент.

Подъезжающие машины резко притормозили и, на самой малой скорости объехав и «Опель», и «Мерседес», встали на полпути между ними и лесополосой – должно быть, в самой гуще ползущих по пластунски рубоповцев. Отцу Василию даже показалось, что один боец перекатился, чтобы не попасть под колеса.

Затем священник услышал, как в полной ночной тишине захлопали дверцы, и вот тогда надо всей округой раздался

отчаянный крик загнанного в угол человека:

– Рома, сука! И ты ментам продался?!

В полной тишине этот крик эхом отдался от стен и потерялся где-то в торчащих из бетона прутьях арматуры.

«Рома?!» Священник задрал голову вверх – кричали из недостроенной башни элеватора.

– Что ты гонишь, Жираф?! – ответил ему от подъехавшей машины сам Роман Григорьевич Якубов.

«Господи! – помянул имя божье всеу отец Василий. – Как он узнал?!»

– Я гоню?! – злобно рассмеялись наверху, так, что эхо прокатилось по всей округе. – Это ты че-то не туда погнал! Шкура мусорная!

– Не крути, Жираф! – громко потребовал Якубов. – Ты позвонил, я приехал. При чем здесь менты?

И в этот момент рубоповцы начали вставать. Трудно сказать, кто им дал такую команду: даже если Маслаков понял, что демаскирован светом фар подъехавших машин, этого делать не следовало. Но они все вставали и вставали, словно для того, чтобы своим личным присутствием показать Роману Григорьевичу, при чем здесь менты. А там, от «Мерседеса», уже шел вразвалочку коренастый Макарыч, и шел он к Роману. Он явно уже не видел никакого смысла играть в прятки.

– Эй, Жираф! – громко крикнул Макарыч и махнул рукой. – Ты уж там посиди, не обижайся! Я пока с твоим друж-

ком поговору! А там и до тебя очередь дойдет!

«Ай, молодец, Макарыч! Вот умница!» – похвалил рубоповца священник: он уже видел, как помаленьку, пока их демаскированный начальник отвлекает внимание на себя, парни в камуфляже подбираются к башне. Видно, очухались...

– Слышал, Рома?! – яросто поинтересовались сверху. – Все слышал?!

– Не понял... – развернулся к Макарычу Роман Григорьевич.

«Так, пора вмешиваться!» – понял священник и, приподняв полы рясы, побежал вперед.

– Я что-то не понял, батюшка, это что за цирк ты мне устроил? – зло и громко поинтересовался Макарыч, едва заметил бегущую навстречу фигуру в рясе. – При чем здесь, на хрен, Роман? Не-е, за Жирафа спасибо; я его сегодня же на карачки поставлю и в КПЗ определяю, но почему этот здесь?!

Он был решителен и уверен, словно только что все для себя решил. И отец Василий даже не знал: то ли Макарыч продолжает играть на публику, взирающую на этот разговор из башни элеватора, то ли и впрямь пытается возложить на попа ответственность за прибытие Якубова.

– Сюда слушай, Рома! – прервали их светскую беседу тем же озлобленным, доносящимся из башни голосом. – Тебе твою девку как отправить?! По кускам или целиком скинуть?!

Мужики оцепенели.

– Стоп, – тихо-тихо произнес Пасюк и только для священника. – А при чем здесь его дочь? Мы же Санькину невесту приехали... – он шумно сглотнул, – забирать...

– А вы самого Саньку спросите, – так же тихо ответил священник. – Он вам скажет, чья она дочь...

– Не понял! – Макарыч растерянно уставился на Романа.

При таком раскладе вариантов было немного, но поверить в причастность Санькиной девушки к уголовным делам ему было сложно.

– Подождите! – с нескрываемой болью в голосе оборвал их обоих Роман. – Зачем вы вообще здесь, на хрен, торчите?! Ты что, Макарыч, специально сюда приехал? А? Чтобы меня подставить? Или ты не понимаешь, что Жираф мусорам живым не сдастся? Ты что, не просек, что из-за тебя моя Катенька погибнуть может?! Кто вас вообще сюда звал?! Ты?! – повернулся он к отцу Василию и схватил его за грудки. – Ты, сволочь, их притащил?!

– Не доживет твоя девка до встречи с папой, Рома! – совершенно безумным голосом крикнул сверху Жираф. – Ох, не доживет!..

Его слова эхом отразились от стен и словно растаяли среди трех растерянных мужиков.

– Так... че?! – охнул Макарыч и уставился на Романа. – Катька что, твоя дочь?!

Но Роман его не слушал. Так и не выпуская из рук отца Василия, он стоял, задрав голову вверх, словно оттуда долж-

на была опуститься карающая длань архангела Гавриила.

– Катенька! – с болью и ужасом прошептал он.

И в этот момент раздались автоматные выстрелы, там, наверху. Это начали штурм рубоповцы.

Священник глянул на остолбеневших Катькиного отца и Макарыча и, вырвавшись, побежал к элеватору. Как бы ни складывались события, с этой стороны Жирафа не пропустят, а вот с той... Подняв облако цементной пыли, он перелетел через кучу строительного мусора и в считанные секунды обогнул огромную башню по периметру. Здесь и шла наверх металлическая лестница.

Там, наверху, снова раздалась автоматная очередь, еще одна, а священник бежал и молился и только перед дверным проемом притормозил. Потому что изнутри уже показалось белое от ужаса девичье лицо.

* * *

Отец Василий перехватил Катьку ровно в тот миг, когда Жираф перешагнул через порог. И в следующий же миг нанес бандиту всесокрушающий удар в лицо. Жираф задохнулся, выпустил свою добычу из рук, отшатнулся назад и тут же получил из темной утробы башни автоматную очередь в спину.

Около секунды он еще стоял, а потом шагнул вперед, перевалился через перила и ухнул вниз с высоты третьего эта-

жа. А священник подхватил Катерину на плечо и загрохотал вниз по металлической лестнице.

— Господи, помоги! — в голос просил он. — Боже праведный, выручай!

И только в самом низу, ступив ногами на твердую, усыпанную щебнем землю, отец Василий понял: удалось!

* * *

Возвращение дочери в руки отца оказалось делом нелегким. Уже внизу в полной темноте их обоих чуть не подстрелил рубоповец, запоздало вспомнивший, что в элеваторе есть второй выход. Затем священник столкнулся с Макарычем, с отчаянием в голосе опрашивающим всех встречающих, где Санька и не видел ли кто этого сукина сына. А потом отец Василий с трудом поставил Катерину на ноги перед отцом и с болью смотрел, как Роман трясущимися руками срывает с губ любимой дочки намертво вклеившийся скотч.

Позже, анализируя происшедшее, отец Василий придет к выводу, что во всей этой неразберухе виноват «личный фактор». Недаром хирурги избегают оперировать родственников. То же самое произошло и здесь. Сначала был шок от известия, что какие-то отморозки похитили невесту рубоповца, а это каждый мент воспринял как свою персональную беду. Затем все это помножилось на явное служебное неравнодушие Макарыча к самому молодому своему офицеру Сань-

ке Мальцеву. Затем подъехал Роман, и это совершенно поменяло все акценты местами. Люди просто не выдержали таких душевных перегрузок и начали совершать ошибки одну за другой – чем дальше, тем больше.

Но, слава богу, все обошлось без жертв. Если, разумеется, не считать бандитов. Изрешеченный чьей-то очередью и упавший с высоты третьего этажа Жираф отдал душу на суд божий прямо на месте. А потом вынесли из башни и крепыша с перебитым носом, причем по всему выходило так, что его, раненного в живот, застрелил сам Жираф, видимо, чтобы устранить лишнего свидетеля. Так что в руках следствия оставались только два курьера, дружно вытиравших кровавые сопли с разбитых армейскими ботинками лиц.

– А ведь придется тебе, Роман, заявление нам писать, – нервно усмехнулся, глядя в лицо местечковому мафиози, немного успокоившийся Макарыч.

– Не дожدهшься, мусор, – сурово откликнулся Роман Григорьевич, прижимая к себе чудом уцелевшее дитя. – Вон у тебя подельники есть, их и колоть будешь; тебе это дело нравится, как я...

– Ладно! – гневно оборвал его Пасюк. – Хватит понты колотить! Последний раз спрашиваю! Гражданин Якубов, вы намерены писать заявление по состоявшемуся факту похищения вашей дочери?!

– Еще раз отвечаю: нет.

– Ну, как хотите. Свидетелей у нас и без вас много, а ес-

ли перед братвой хотите чистеньким выглядеть, так поздно уже! Не выйдет! Вон она, твоя братва, в машине поездки в морг дожидается. А общественность так и так по-своему все поймет! – Макарыч произнес это слово «общественность» с таким презрением, что каждому стало ясно: сам он братву и за людей не считает.

– А это уж предоставьте мне, Андрей Макарович, – столь же ядовито откликнулся Роман. – С обществом я сам как-нибудь разведу, без вашей подмоги... Вы только одно мне объясните: какая сука вас сюда науськала?... Будто я сам не разберусь. Неужто этот сукин поп?

Теперь, когда опасность миновала, он снова стал храбрым, забыл, с каким видом смотрел на верх элеватора...

– Да, Роман Григорьевич, это я милицию пригласил, – выступил вперед священник.

– А почему просто мне не сообщили? – заиграл желваками на скулах Роман.

– Когда мне нужно вылечить язву, я не обращаюсь в похоронное агентство, – с достоинством ответил священник. – Я обращаюсь к хирургам.

Роман помрачнел. И, видимо, чтоб хоть как-то сохранить свое изрядно пострадавшее в словесной перепалке достоинство, наклонился к дочери.

– Да, кстати, – сказал он так, словно только что об этом вспомнил. – Что это за жених, Катерина?

– Это я, Роман Григорьевич, – выступил вперед Санька.

Макарыч яростно крикнул, а Роман сглотнул, уставился Саньке в глаза и снова сглотнул.

– Катя, – с ужасом затряс дочку за плечи Роман. – Это правда?! Ты связалась с мусором? С этой грязью?! С этим недоумком?

– Ты, короче, полегче с выражениями, козел! – загудели со всех сторон рубоповцы. – А то быстро в рог заработаешь!

Роман Григорьевич стремительно оглядел скорых на расправу бойцов, естественно, взял себя в руки, быстро и немного зло сунул залитую слезами дочку в машину, но перед тем, как сесть самому, повернулся к Макарычу:

– А ты, Андрюша, запомни: в мои семейные дела я никому не советую соваться. Я таких вещей не прощаю. Особенно тебе.

Андрей Макарович дождался, когда машина отъедет, и повернулся к Саньке.

– Пиши-ка ты рапорт по собственному, лейтенант Мальцев! – с горечью произнес он. – Думал я, нормальный пацан пришел ко мне служить, а оказалось... А! Да что там говорить!

* * *

Отец Василий приехал домой тихий и подавленный. Ольга кинула на мужа тревожный взгляд, но не сказала ни слова, а только поставила на плиту борщ и пошла наполнять ванную

горячей водой.

«Почему все так неправильно? – думал он. – Неужели дочка мафиози менее заслуживает спасения из рук отморозков, чем невеста рубоповца? Тем более, когда это одна и та же ранимая и бессмертная душа... – И сам же себе отвечал: – Просто они очень много знают о ненависти и слишком мало о любви...» Это было невероятно банально и тем не менее оставалось единственной правдой.

Священник выключил газ, налил себе теплого, даже еще не разогревшегося постного борща и приступил к еде.

Гордыня – вот что являлось корнем зла, непомерная гордыня. Макарыч искренне уверовал в то, что имеет право казнить и миловать людей по собственному усмотрению, а Роман – тот и вовсе настолько погряз в грехах, что даже не видит, как теряет собственных детей – навсегда, безвозвратно...

«Они оба теряют собственных детей, – покачал головой священник. – Только один – родных, а второй – крестного. И с какой обидной легкостью, с каким апломбом, с каким железобетонным чувством собственной правоты! А вместе с детьми – и собственное будущее...»

* * *

В РОВД отца Василия вызвали на следующий же день. Вполне официально, повесткой. Понятно, что изрядно по-

дуставший от вечных недоразумений с местным священником начальник РОВД Аркадий Николаевич Скобцов личной аудиенцией попа не осчастливил; за росписью о вручении повестки прибежала девчонка из секретариата. И сразу после заутрени священник дал необходимые наставления диакону Алексею и пешком отправился в милицию, благо это было совсем недалеко.

Он не стал скрывать ничего, впрочем... почти ничего. Естественно, отец Василий умолчал о сунутом в девичьи трусики и подкинутом затем в милицейскую машину пакете с белым порошком, но вот себя щадить он не собирался, а потому с легким сердцем поведал о том, как оторвал первые две строки с упоминанием имени адресата и даже положил перепачканный кровью бумажный лоскуток на стол следователю. Следователь – немолодой, усталый мужчина с осоловевшими от недосыпа глазами – понимающе кивнул. Он вообще вел себя, что называется, «без понтов».

Рассказал отец Василий и обо всем остальном, оставив при себе разве что свое мнение об уровне подготовки и профессионализма бойцов РУБОПа – это уже не его компетенция, пусть кому надо, тот и разбирается...

И следователь, как ни странно, так же легко поделился с ним последними ментовскими сплетнями и, в частности, мнением, что дело этодохлое. Два главных участника похищения мертвы. Оставшиеся в живых два курьера ни хрена не знают и сказать могут только то, что их ни в какие дета-

ли не посвящали вообще. Приедешь на место, возьмешь пакет, привезешь на элеватор, передашь мне и тут же получишь свою долю. А тот, третий, что держал отца Василия за горло, так и вовсе остался неизвестным. Ну, не пользовались в Усть-Кудеяре удавками, а значит, был он чужаком, на секунду всплывшим из неизвестности и туда же канувшим...

Эта история вообще ни в какие ворота не лезла. Не было у Жирафа претензий к Роману, это раз. Не мог он не понимать, что бандитская общественность таких закидонов, как похищение дочерей уважаемых людей, никому не прощает, это два. Ну и главное: вся эта история, начиная от мизерной суммы выкупа и кончая повторным, уже после оставленной попу записки, телефонным звонком, на этот раз напрямую Роману, отдавала явным маразмом. А маразмом Жираф не страдал. Да, отморожком был конкретным, но потерять ясность ума до такой степени, чтобы ввязаться в столь проигрышное дело?!

– Ну, и что теперь будет? – поинтересовался напоследок отец Василий.

– А ничего, – легко ответил следователь и улыбнулся. – Кроме неприятностей для Андрея Макаровича и нервотрешки для Якубова.

– А с этими двумя курьерами что будет?

– Посадим, – так же легко ответил следователь.

– За незаконный оборот валюты? – легонько съязвил священник.

– Не-е, – замотал головой следователь. – Там же реальной валюты не было – так, «куклы». Да вы не переживайте, найдем, за что...

Отец Василий горько усмехнулся: это утешало...

* * *

Жизнь помаленьку начала возвращаться в свое русло, и, осознавая, что кризис миновал, попадая высказала муженьку все, что думает о последних событиях, и получила очередное, сто шестьдесят восьмое, обещание ни с какой уголовщиной не связываться, да и с ментами тоже...

А потом пришел Санька.

Был он в штатском – в тех же потертых джинсах и толстовке, в которых сидел в цистерне в ожидании «своего» наркодельца, а в лейтенантских глазах застыло не исчезающее с тех самых пор, как Макарыч предложил ему «писать рапорт», выражение легкого изумления.

– Попросили меня, батюшка, – с деланной беззаботностью пожал он плечами.

– А ты что?

– А что я сделаю? – дернул кадыком Санька. – Ребята на меня волками смотрят. Даже руки не подают... Написал. Теперь вот безработный...

Отец Василий понимающе кивнул. Он уже тогда знал, чем все кончится. Ребята подвергли Саньку остракизму не за то,

что невесту неправильно выбрал, а за то, что всей правды не сказал. И логика была проста и понятна: не в Макарыче дело, это ты сам разводи с начальством, если оно не хочет дочку мафиози выручать. Просто ты нас всех подставил, потому что из-за двух оторванных строчек от записки могли и наши жизни зависеть. А кому хочется умирать?

– Может, переведешься куда? – посоветовал отец Василий.

– Пробовал, – поджал губы Санька. – Блин, как волчий билет прописали: нигде не берут. Ни в области, ни в Софиевке, ни в Смирновке...

Священник крикнул: если уж в Смирновке не берут, дело швах. В этой дыре с квалифицированным непьющим персоналом всегда были проблемы – во всех сферах.

– Я, батюшка, не жаловаться пришел, – набрался наконец отваги и перешел к главному бывший рубоповец. – Я с просьбой пришел.

Священник насторожился.

– Роман Катьку вообще из дома перестал выпускать...

Священник понимающе вздохнул.

– А я ее люблю...

Что ж, и это было понятно.

– Вы вместе со мной к Роману не ходите?

Отец Василий вытаращил глаза. Это была серьезная заявка.

– Знаете, батюшка, я так думаю, – с напором продолжил

Санька. – Роман должен понять, что я это серьезно. И что у Катерины ко мне тоже серьезное чувство...

– Должен? – Отец Василий не думал, что Роман согласится с тем, что кому-то что-то должен, пусть и просто понять. Не тот человек.

– Конечно, должен! – с жаром подтвердил Санька. – Просто, когда я с ним поговорю, он поймет, что я нормальный человек, а что бабок больших нет, так не в деньгах же счастье!

Он был непроходимо наивен. И так же невозможно хорош в своем искреннем порыве.

Отец Василий задумался. Он знал, что, с точки зрения Романа, счастье именно в деньгах, а точнее, в той власти и тех возможностях, которые они дают. Ничего не поделаешь, такой человек. Но Роман Григорьевич вовсе не глуп и действительно может понять, что Санька – неплохой зять, и его энергия, жизнелюбие и здоровый взгляд на вещи просто не дадут ему держать Катерину совсем уж впроголодь. По крайней мере, все, что необходимо для реального, а не киношного женского счастья, он точно обеспечит. А сейчас ему просто нужна поддержка старшего по возрасту и опыту человека.

– Ладно, – кивнул он. – После вечерней службы поедем.

* * *

В этот вечер отец Василий управился с делами namного

позже обычного. Понимая, что заставлять Олюшку волноваться нельзя, он позвонил жене, убедил ее в том, что на этот раз ему предстоит обычный визит к обычному прихожанину по самому банальному духовному вопросу, посадил Саньку в машину и отправился говорить с Романом.

Они приехали на знакомую пыльную улочку, к знакомому бетонному забору, и отец Василий нажал кнопку звонка.

– Кто там? – не открывая дверей, спросил охранник, и над их головами тут же включился свет.

Отец Василий прищурился и поднял глаза вверх. Прямо под зарешеченной лампой угадывался маленький объектив камеры слежения. «Раньше не было», – констатировал священник.

– Отец Василий с другом к Роману Григорьевичу по личному вопросу, – отозвался он.

– Щас, подождите, я спрошу, – хмуро сказали из-за калитки.

Охранник отошел и через пару минут вернулся.

– Роман Григорьевич спросил, что вам надо, – сообщил он.

Отец Василий и Санька переглянулись. Конечно, Рома поступал невежливо, но вопрос был задан по существу.

– Скажите, зять к нему пришел, – внезапно выпалил Санька.

Священник выразительно глянул на лейтенанта в отставке и покрутил пальцем у виска.

– Зять? – удивились из-за калитки. – Ла-адно, передам.

И снова потянулись минуты ожидания. Священник и Санька переминались с ноги на ногу, нетерпеливо поглядывали по сторонам, но когда калитка все-таки распахнулась, оказались к этому совершенно не готовы.

– Проходите, – вежливо пригласил их мордovorот и предупредительно отошел в сторону, освобождая проход.

Санька победно глянул на попа: мол, а ты меня за дурака держишь!

Они торжественно продефилировали мимо слегка удивленного охранника, вошли на крыльцо и через несколько секунд оказались в гостиной, той самой, в которой отец Василий не так давно выяснял отношения с хозяином дома.

– Ну-ка, ну-ка! – раздалось от дверей. – Кто тут такой борзый? Неужто и впрямь ты, мусор, ко мне пришел?

Роман вошел в комнату: бледный, но уверенный в себе и отнюдь не благодушно настроенный.

– Я слышал, тебя со службы поперли... – усмехнулся он.

– Я сам рапорт подал, – залился краской Санька.

– Ах, ну да, конечно... А потом даже в Смирновке на работу не взяли.

Священник хмыкнул: для рядового местечкового мафиози Роман Григорьевич был совсем неплохо информирован.

– Я бы тебя, конечно, на работу взял, – продолжил свой монолог Якубов. – Дворником там, газоны постричь, дорожки подмести, но уж очень ты любишь на чужое руки протя-

гивать.

– Я не... – возмущенно начал Санька.

– Молчи! – оборвал его Роман. – Раз уж ты имел наглость припереться, так выслушай все, что я пожелаю высказать!

«А грамотная у него речь, – не мог не отметить священник. – Немного замусоренная, но с претензией!»

– Если ты, мусор, думаешь, – прошелся Роман по комнате, – что я свою дочку для такого, как ты, растил, то ты просто дурак. Болван. В общем, мент.

Санька сглотнул.

– Ах да! – внезапно хохотнул Роман. – Ты ведь даже в ментовке удержаться не смог! Как я забыл? Тебя даже менты за человека не признали!

– К чему это вы клоните? – агрессивно поинтересовался Санька и тут же получил от батюшки тычок пальцем в бок – мол, не выступай.

– А к тому, чтобы ты реально на вещи посмотрел, – остановился прямо перед потенциальным зятем Роман. – Реально. Ты кто?

– Я? – оторопел Санька.

– Да, ты. Вот ответ мне на простой такой вопросик: кто... ты... есть... по жизни?..

Роман Григорьевич произносил все это с чувством, с расстановкой и явно получал невероятное удовольствие.

«Так вот зачем ты нас впустил, – догадался отец Василий. – Покуражиться хочешь! Гордыню свою бандитскую по-

тешить! Ну, я тебе сейчас задам!»

Он мог умерить это сладострастное самолюбование господина Якубова одной фразой и теперь только подбирал момент, чтобы...

На груди у Романа заалело малюсенькое пятнышко. Идеально круглое, аккуратное...

Отец Василий бросился вперед, но понял, что Санька опережает, и просто рухнул на пол. Рядом.

Охнуло и со звоном рассыпалось по паркетному полу оконное стекло, что-то заорал на улице охранник, а Санька, шипя от боли в простреленной несколько дней назад руке, с упорством знающего, что делает, паука уже тащил Якубова за диван. Священник стремительно откатился к стене.

Стекло охнуло еще раз, и на этот раз осколки щедро посыпали сверху и священника тоже.

– Вон он! – заорали на улице. – Мастак, прикрой! Я пошел!

Раздались еще два шлепка подряд, уже без звона стекла, и от шикарного дивана полетели белесые клочья шикарной обивки. «Это уже от бессилия! – понял отец Василий. – Ну, Рома! Ну, ты кому-то и мешаешь!»

И в этот момент все у него сложилось одно к одному: странная проблема с Сережей, совершенно дебильное, необъяснимое похищение Катерины, а когда все это провалялось – покушение... Роман Григорьевич точно кому-то мешал. И очень сильно.

Быстро и осторожно выглянувший из-за двери охранник, щелкнув выключателем, погасил свет и только потом на четвереньках пробрался за диван.

– Роман Григорьевич, вы как, живы?

– Твоими, блин, молитвами! – зло откликнулся Роман.

– Не ранены?

– Вроде нет... Да отпусти ты меня! Отпусти, кому сказал!

Все на улицу! Взять мне его! Живым взять!

– Пацаны уже его погнали. Скоро возьмут.

– Кто?!

– Мастак, Жося и Лейбл с Мотей тоже...

Священник сел на скользкий паркетный пол и тихо позвал лейтенанта:

– Санька, ты как?

– Нормально, батюшка, – быстро переполз к нему Санька. – Видели, что это было?

– Импортная штучка, – кивнул отец Василий. – Бешеные деньги стоит.

– Ага, – согласился Санька. – Нам про такое только на лекциях рассказывали, даже в руках подержать не пришлось.

Он еще не успокоился и дышал часто и неровно.

– Эй ты! РУБОП! – тихо окликнул Саньку из-за дивана Роман. – Как ты понял, что будут стрелять?

– Лазерный прицел, – отозвался Санька. – Знаешь такое, Роман? Как на детской игрушке... Ты лучше скажи, сколько у тебя людей в доме осталось?

– А что? – в голосе Якубова звучала смесь раздражения и растерянности.

– А то, что, пока твои четверо бойцов в сафари со снайпером играют, нас тут перещелкают, как тараканов на кухне.

– Ой, бля! – охнул Роман. – Пошли за мной!

Они все четверо дружно встали на четвереньки и стремительно поползли вслед за Романом через гостиную, затем, приподнявшись, бегом по длинному коридору, затем в спальню, из которой хозяин дома забрал жену и дочь, и только уж потом все вместе спустились в подвал.

Идущий впереди священника Санька прижимал к себе свою Катку и был совершенно счастлив.

Щелкнул выключатель, и отец Василий увидел, что находится в биллиардной. Огромная железная дверь подвала захлопнулась, надежно отрезав беглецов от остального, столь опасного мира, и Роман с облегчением уселся в кресло.

– Только я не понял, РУБОП! – с раздражением окликнул он Саньку. – Что ты все к моей дочери мостишься?! Или я плохо объяснил?!

Санька послушно опустил руку.

– Вы бы поменьше понтовались, Роман Григорьевич, – почти весело сказал он. – Вам не об этом думать надо. Охрана у вас ни к черту, я бы такую за пять минут поснимал!

Сидящий рядом мордоворот что-то недовольно буркнул.

– Что ты там вякнул, толстый? – ехидно наклонил голову Санька. – Мы, кажется, неудовольствие выразили? Ась?

– А с чего это ты такой борзый? – уже громко, в голос возмутился охранник. – Ты бы у меня и до крыльца не дошел.

– Я уже здесь, – с напором на «уже» произнес Санька. – И если бы не я, то хозяина твоего и в живых-то не было.

Охранник промолчал. Это была чистая правда.

Неожиданно сверху стремительно и тяжело протопали несколько пар ног, и дверь тяжело ухнула. К ним внутрь ломились. Отец Василий подошел к двери, оценил засовы и толщину металла и, удовлетворенно цокнув языком, подошел к Роману. В дверь снова ударили. И еще раз! И еще...

– Ты кому-то мешаешь? – спросил отец Василий у Романа и присел рядом.

– Думаю, да, – не стал отрицать Роман.

– И что делать будешь?

– Пока не решил, – Роман встал и, презрительно ухмыляясь в сторону гудящей от ударов двери, прошелся по бильярдной. – Я, батюшка, уже раз десять и нашел бы кого надо, и разрулил бы все давно, да все как-то на пути Макарыч попадается. То, понимаешь ли, сынка мне подкинул с пакетом героина – выкупай, папа! То с доченькой проблему устроил! Я уж подумываю, а не купил ли его кто...

Санька возмущенно засопел.

– А че ты недовольство проявляешь? – язвительно бросил взгляд в сторону отставного рубоповца Якубов. – Ты ведь тоже как-то уж очень вовремя подвернулся... Не находишь?

– Нормально подвернулся, – хмуро отозвался Санька.

«А ведь Роман прав, – подумал отец Василий. – Такое впечатление, словно Макарычу заказали довести Якубова до психушки – сплошные напруги! Да и курьеры как-то уж очень быстро сломались... И потом, рубоповцы столько ошибок насобирали; кто угодно другой давно бы всю операцию провалил, а этот ничего, даже до конца довел...»

Отцу Василию приходилось иметь дело с продажными ментами. И, если исходить из фактов и опыта, он должен был согласиться: Макарыч двурушничает. Делает вид, что защищает закон, но на деле защищает его исключительно в пользу неведомых врагов Романа, с явным и недоброжелательным пристрастием.

Но как ему не хотелось в это верить! Как хотелось ему, чтобы Санькин крестный был чист перед своей совестью и богом!

– Что глазки-то опустил? – напомнил о себе Якубов.

– Думаю, – честно откликнулся Санька.

– Вот и я думаю, – хмыкнул Роман. – Я даже готов побиться об заклад, что, если сейчас дверь открыть, ничего не случится.

– Не надо, па! – подала голос молчавшая до сих пор Катерина.

– И правда, Ромочка, не надо... – поддержала ее Катина мама. – Не стоит открывать.

– А знаете, почему?! – разошелся Роман. – Не знаете?! А я объясню.

Он прошелся по бильярдной и оперся задом об огромный, обитый зеленым сукном стол.

– Когда Сережу с героином повязали, кстати, в поповском дворе, я должен был в Москву лететь. На о-чень важную встречу. А я весь день этого придурка из ментовки вытаскивал. Ничего так кидок? Ага?

Он сложил руки на груди.

– А когда Катьку украли, и, вот незадача, прямо из батюшкиных рук... – Якубов посмотрел на священника недобро и испытующе. – Этот человек проездом в городе был и тоже мог со мной встретиться. Вот только меня на месте не было, потому что я в Софиевке, на этом чертовом элеваторе грязь месил да за Макарычем бегал, чтоб этот придурок вместо Жирафа дочку мою в темноте не пристрелил... Усекаете?

Роман сглотнул и зло посмотрел на часы, а потом на священника.

– А пять минут назад этот человек должен был мне из Хабаровска позвонить... – он горько рассмеялся. – Но, само собой, появляется якобы отставной рубоповец и, как бы заодно, жених, естественно, с попом в обнимку, и... все насмарку!

Отец Василий напряженно слушал: цепочка складывалась и впрямь прелюбопытная... А в Хабаровске как раз сейчас должен был заниматься важными государственными делами очень крупный правительственный деятель. Кое-что по телевизору об этом сообщали.

– Никто меня не убьет, слишком много шума, – цокнул Роман языком и подошел к двери. – Потому что цель другая, проще: выйти на контакт с этим человеком раньше меня. И они этой цели при помощи нашего батюшки и молодого, подающего надежды рубоповца шаг за шагом достигают.

Роман отдернул засов и распахнул тяжеленную дверь настежь. За ней, еще полминуты назад мерно содрогавшейся от ударов, никого не было.

– Алле-е... ап! – взмахнул рукой Роман. – Отбой воздушной тревоги. Милости просим наверх.

– Это правда? – со странным выражением недоумения и страха на лице посмотрела на Саньку Катерина.

– А я почему знаю?! – расстроенно откликнулся тот. – Лично я не за этим сюда шел. Ты что, мне не веришь?

– Я не знаю, – мотнула головой Катерина; в ее глазах стояли слезы.

* * *

– Упустили? – холодно поинтересовался Роман.

– Ушел, сука! – мрачно отозвался Мастак – не самый здоровый, но определенно самый зрелый и опытный во всей охране.

– А я знал, что вы никого не возьмете, – кивнул Роман. – Куда вам? – и вдруг заорал: – Вы на себя посмотрите!!! Мормоны поотъедали, смотреть стыдно! Целыми днями чифиры

хлещете! Да от вас мышь полудохлая – и та убежала бы!

Охранники подавленно молчали.

– Я вас не задерживаю, – повернулся к Саньке и священнику Роман. – Пошли вон.

Те переглянулись. Учítывая, что Санька спас хозяину жизнь, это было не совсем вежливо, но, учítывая все остальное...

– До встречи, – кивнул отставной лейтенант.

– Прощай, – холодно отозвался Роман.

Отец Василий и Санька молча вышли во двор, прошли к калитке и, кивнув охраннику, вышли на улицу.

– А мне, батюшка, и переночевать-то негде, – виновато признался Санька. – Выперли из общаги-то...

– В храмовой кладовке переночуешь, – вздохнул священник. – Белье чистое дам, раскладушку, мыло... Что-нибудь еще надо?

– Не-е, спасибо, – покачал головой Санька. – И за это спасибо.

Они сели в побитые поповские «Жигули», и только здесь, на своей территории, отец Василий рассмеялся: – Вот так, Санек! Не удалось тебе в охрану к будущему тестю устроиться!

Санька что-то недовольно пробурчал и вдруг тоже рассмеялся:

– А я-то думал, хоть немного холуйской жизнью пожить! Зарплату нормальную получать, мормон себе отрастить до

колен! Чифирь хлебать да на хозяйскую дочку сально поглядывать! Что еще нужно для счастья бывшему менту...

Но только смех этот получился у него горький.

* * *

Санька у священника прижился. Бог знает, как он решил проблему с пропиской, но жил он в кладовке, и, надо сказать, не похоже, чтобы шибко тужил. Правда, с того дня его словно подменили. Смешливый, отчаянный и беззаботный парень стал сосредоточен и собран.

Он поднимался в половине шестого утра и бежал купаться на речку Студенку, получившую свое название из-за обилия бьющих со дна ледяных ключей. Там, на Студенке, они со священником и встречались: отец Василий шел в храм на службу, а Санька с полной самоотдачей выделявал почти танцевальные па какого-то восточного стиля.

– Са-аш! – по-волжски протяжно окликал его священник. – Может быть, тебе детишек в обучение взять? Все ж какие-никакие, а деньги! Или вон в цирк иди выступать! А что? Красиво у тебя получается!

Но Санька больше не смеялся.

– Прежде чем учить детей, – отвечал он после глубокого и протяжного выдоха, – следует истребить зло внутри себя.

– Ох, Саня, – приостанавливался возле парнишки священник. – Рецепт истребления зла внутри давно известен. Для

этого не в боевые позы следует становиться, а на колени да перед иконой Христа Спасителя... Или вон Николай Чудотворец... тоже хорошо помогает. На себе проверил.

— Я молюсь, — серьезно кивал Санька. — Каждый день. Вы же знаете.

Отец Василий знал. Санька и впрямь ежедневно по два часа стоял перед иконами и шептал молитвы. Но проходили эти два часа, и бывший милиционер так, словно исполнив служебный долг, вставал с колен и шел работать на товарный двор — там непьющие грузчики всегда были нужны, как воздух. Не было в Санькином обращении ко Христу и святым истовой, настоящей веры. И изменить это казалось невозможным. По крайней мере, пока...

О Катерине они не говорили. Но можно сказать, что они о ней молчали. Потому что, когда наступали сумерки и служба заканчивалась, отец Василий, отдав последние распоряжения диакону, шел за храмовые ворота и садился на скамью возле сосредоточенно молчавшего Саньки. Каждый вечер.

Проходило полчаса, и священник вставал, прощался и шел домой к Олюшке с твердым пониманием, что эти полчаса не прошли даром, и Саньке стало пусть немного, но легче.

В один из таких вечеров и произошло это прелюбопытное и поворотное в судьбах обоих событие.

Человек бежал по узкому темному тротуару молча. Он бежал прямо, никуда не сворачивая, как заяц в свете фар, и даже не пытался скрыться в отходящих от улицы проулках. А по дороге, вслед за ним, почти бок о бок, ехала черная, сверкающая новенькой эмалью иномарка.

Время от времени из машины что-то выкрикивали, но человек не откликался и только прибавлял ходу.

– Я тебя в последний раз предупреждаю! – услышал отец Василий, когда беглец и его преследователи приблизились достаточно близко. – Больше повторять не буду!

Тот продолжал бежать.

И тогда машина легко обошла его, резко встала, и изнутри вывалились трое крепких парней в почти одинаковых спортивных костюмах.

– Кажется, батюшка, сейчас потеха начнется! – впервые за много дней азартно хохотнул и привстал со скамейки Санька.

– Я бы это потехой не назвал, – сурово откликнулся отец Василий. – Они его, по-моему, бить собрались.

– Я и говорю – потеха! – сладко потянулся и завращал головой в разные стороны, так, что захрустели позвонки, бывший рубоповец.

А мужика уже начали бить.

Его прижали прямо к храмовой ограде. Окружили с трех сторон и принялись методично и уверенно наносить удары.

Мужик защищался умело, но численное превосходство было слишком велико.

– Эй, православные! – громко и отчетливо крикнул отец Василий. – Вы чего это возле храма божьего мордобой решили устроить?

– Завянь, чучело! – даже не оборачиваясь, отозвался один.

– Оборзели! – прокомментировал едва начавшийся диалог Санька и аж подпрыгнул на месте – так ему хотелось поучаствовать.

Отец Василий печально вздохнул и кивнул.

– Пора идти, а то, я смотрю, просто «телесные» на глазах переходят в «тяжкие телесные»...

– Ага! – радостно хохотнул Санька и помчался вперед.

– А ну посторонись, залетные! – заорал он.

– Это почему «залетные»? – не понял один. Но приостановились все.

– Во-первых, вы не местные, – охотно пояснил Санька. – А во-вторых, потому что вы попали!

– Мы попали?! – почти в голос возмутились мужики. – Ну, ты борзой!

– Ага! – радостно подтвердил Санька и сунул крайнему в челюсть.

Мужик пошатнулся, но не упал.

«Все! Понеслась! Теперь придется давить до конца!» – по-

ставил диагноз отец Василий и кинулся в гущу событий.

В считанные секунды стало ясно, что не все так радужно, как мечталось некоторым молодым и борзым. Парни в спортивных костюмах дрались умело и жестоко. Один с ходу послал Саньку в легкий нокаут, и всю это братию отцу Василию пришлось брать на себя.

Он точно ставил блоки и грамотно пользовался тем обстоятельством, что парней слишком много, а потому они друг дружке просто мешают. Он в течение первых пятнадцати секунд боя надежно уронил самого рослого физиономией в асфальт, но изменить общую картину ему не удавалось: сказывались годы, проведенные без ежедневных, до седьмого пота, тренировок. Парни сопели, нападали, и отец Василий помаленьку отступал, но когда поднялся с колен Санька, парням сразу стало ясно, что их дело швах. Потому что теперь они были «два на два», а «батюшкина команда» мигом выучилась работать в паре.

– Держи, родной! – с диким, в духе Брюса Ли, привизгом наносил удар Санька, и отец Василий тут же ставил блок, чтобы прикрыть напарника от ответного удара.

– Хек! – делал неожиданный выпад священник, и Санька тут же, в сотые доли секунды успевал сунуть едва прикрывшемуся от одного удара противнику куда-то под ребра.

И еще через минуту или полторы последний агрессор звучно рухнул на пыльный асфальт. Отец Василий и Санька переглянулись и кинулись к недвижно лежащему у церков-

ной ограды беглецу.

– Эй, мужик! – потрепал бедолагу по щеке присевший перед ним на корточки Санька. – Ты живой или нет?

– А? – откликнулся страдалец, и стало ясно: живой.

Отец Василий нагнулся, помог поставить человека на ноги и остро пожалел, что так долго раздумывал, оказать ли ему помощь или предоставить им разобраться самим. Отделали его, надо сказать, изрядно. Переносица разбита, нос торчит куда-то вбок, глаза стремительно отекают...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.